№11

МЫСЛИ

о

современномъ положеніи

Финляндіи.

Лондонъ
1900.

ФОНД РЕДКИХ
ИЗДАНИЙ

Мысли
о современномъ положеніи Финляндіи.

О политическомъ положеніи Финляндіи столько говорили и писали въ свое время, что намъ, въ сущности говоря, можно было бы вовсе не касаться этого вопроса. Но если мы, тѣмъ не менѣе, позволяемъ себѣ еще разъ остановиться на немъ, то исключительно лишь потому, что каждый разъ, когда онъ подвергался обсужденію, наблюдалось съ одной стороны проявленіе нѣкоторой раздраженности и съ другой — не только полное отсутствіе справедливости и необходимаго въ подобныхъ случяхъ такта, но даже явное и, притомъ, упорное нежеланіе ограничиваться разсмотрѣніемъ и изслѣдованіемъ самыхъ существенныхъ сторонъ назрѣвшаго вопроса. Всѣ, безъ исключенія, русскіе публицисты, собранные вокругъ позорнаго знамени русскаго лже-патріотизма, напрягали всѣ свои усилія, чтобы скрыть истину отъ своихъ читателей и набросить тѣнь подозрѣнія на малочисленный финскій народъ. Они твердо знали, что стоя на почвѣ беззаконія, имъ нельзя было прибѣ-

гать къ легальнымъ пріемамъ въ дѣлѣ освѣщенія финляндскаго вопроса, а потому, отбросивъ всякую попытку серьезнаго и добросовѣстнаго разслѣдованія вопроса, они ринулись въ припадкѣ злобы и изступленія на все болѣе честное въ Финляндіи, оказывавшее стойкое сопротивленіе ихъ разрушительнымъ замысламъ. Движимые чисто хищническими побужденіями, обрушились они на финляндскую обособленность и лучшихъ патріотовъ этой страны, обзывая ихъ „сепаратистами“ въ самомъ дурномъ значеніи этого слова.

Между тѣмъ эти люди составляли во всѣ времена самое прочное ядро вокругъ котораго группировались въ Финляндіи всѣ приверженцы Россіи. Вдохновляемые злыми и, притомъ, весьма малосвѣдущими людьми, русскіе лже-патріоты, благодаря нравственному своему убожеству, съ лакейской угодливостью взялись поносить и безчестить скромный народъ, благо этого рода дѣятельность оказались имъ вполнѣ по душѣ и по плечу. Разумѣется, эти люди, составляющіе отбросы русской мыслящей интеллигенціи, никогда не могли думать насчетъ той пользы, которую приносятъ Россіи, такъ называемые ими, финляндскіе сепаратисты. Развѣ они знали когда нибудь, что подразумѣвается въ Финляндіи подъ словами „истинный патріотъ“? Между тѣмъ имъ, какъ и многимъ ихъ руко-

водителямъ грѣшно не знать, что съ финляндской точки зрѣнія „истиннымъ патріотомъ“ называется тотъ, кто безпрерывно, опираясь на историческія и строго законныя основы, трудится не только на пользу своего отечества, но старается также создать возможно прочную связь съ Россіей, основанную на взаимной любви, на довѣріи и уваженіи. Благодаря послѣднимъ только и возможно совмѣстное и безпрепятственное развитіе всѣхъ народностей, соединенныхъ между собою подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ. Истинные патріоты — какъ финляндцы, такъ и русскіе — не могутъ не скорбѣть, видя разрушительную работу нѣкоторыхъ органовъ русской печати, проповѣдующихъ человѣконенавистничество и посягающихъ на все, что болѣе дорого сердцу финскаго народа. Не могутъ инстинные патріоты также смотрѣть равнодушно на травлю цѣлой народности тѣми безчувственными и обиженными разумомъ русскими дѣятелями, которые открыто совершаютъ безчисленныя гнусныя преступленія подъ защитой штыковъ и пуль. Еще печальнѣе становится на душѣ истиннаго патріота, когда онъ лично видѣлъ какъ дѣло сближенія двухъ народовъ, подвигалось впередъ естественнымъ путемъ безъ всякаго принужденія и хотя довольно медленно, но за то прочно связывало ихъ дружбу. Исторія успѣла уже отмѣтить многочисленныя точки соприкосновенія обоихъ народовъ —

русскаго и финляндскаго — не только на житейскомъ поприщѣ, но и въ области науки. Общность интересовъ и общія славныя воспоминанія изъ прошлаго служили лучшимъ залогомъ къ дальнѣйшему свободному и прочному ихъ сближенію. Но русскимъ лже-патріотамъ, не привыкшимъ уважать права личныя и народа, не могло нравиться мирное и свободное, чисто культурное, сближеніе, двухъ народовъ. Имъ хотѣлось и въ этомъ дѣлѣ приложить свои теоріи и показать всему міру, что Россія до сихъ поръ еще не стыдится имѣть въ рядахъ своихъ просвѣщенныхъ дѣятелей всякаго рода изувѣровъ, открыто проповѣдующихъ насиліе. Стоя за идею подавленія и поглощенія народностей, эти современные рыцари, алчные къ деньгамъ и нравственно развращенные, поднявъ высоко знамя и прикрываясь щитомъ русскаго патріотизма, самозванно выступили защитниками интересовъ Россіи совершенно забывая, что одно участіе ихъ въ какомъ нибудь дѣлѣ, уже заставляетъ лучшіе элементы интеллигентнаго общества относиться къ нему съ полнымъ недовѣріемъ. Обрушившись на финляндцевъ и ихъ порядки, эти наемники проявили столько безстыдства и столько самыхъ гнусныхъ вожделѣній, что даже генералъ-губернаторъ Гейденъ нашелъ необходимымъ опровергнуть лживыя ихъ обвиненія и категорически заявить, что

„населеніе Финляндіи проникнуто сознаніемъ своихъ законныхъ правъ и обязанностей.“ На чемъ же, однако, основываются извѣстныя права финскаго народа? Любознательный читатель найдетъ необходимыя разъясненія во всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-губернатора графа Гейдена о которомъ, къ сожалѣнію, русская печать предусмотрительно умалчивала. Между тѣмъ къ нему былъ приложенъ драгоцѣнный, по содержанію, манифестъ 9/21 Февраля 1816 года, освѣщающій новымъ свѣтомъ такъ называемые „боргоскіе акты“ и служащій прочнымъ звеномъ между прошедшимъ и будущимъ Финляндіи. Только тогда возможно мечтать о счастіи и благоденствіи народовъ, когда правовой ихъ порядокъ покоится на прочныхъ устояхъ. Таковыми устоями для финляндскаго народа были до сихъ поръ торжественныя обѣщанія пяти Императоровъ о святомъ сохраненіи обособленнаго положенія Великаго Княжества Финляндіи. Блаженъ тотъ народъ, который имѣетъ основанія вѣрить въ ненарушимость и святость царскаго слова, но не менѣе счастливъ и тотъ вождь, который можетъ твердо полагаться на вѣрноподданническія чувства своего народа. Манифесты пяти Императоровъ — Великихъ князей Финляндіи, также какъ и незабвенныя слова Александра I, въ связи съ содержаніемъ Фредриксхамнскаго трактата, неми-

нуемо приводятъ къ слѣдующему заключенію.

Финляндія составляетъ часть россійскаго государства, причемъ эта часть, будучи вполнѣ автономной, хотя и внѣшнеполитически не обособленной, управляется Императоромъ — Великимъ княземъ на основаніи особыхъ законовъ и не иначе, какъ при участіи лишь коренныхъ финляндцевъ.

Такова была формула всѣхъ предначертаній и мыслей Императора Александра I, присоединившаго, въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ, Финляндію къ Россійской Имперіи. Самоуправленіе, автономность и обособленность во внутреннихъ дѣлахъ были краеугольнымъ камнемъ въ благихъ намѣреніяхъ Александра I дать особую внутреннюю политическую организацію и жизнь во вновь пріобрѣтенной странѣ. При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ неоднократно упоминалось въ различныхъ документахъ о самоуправленіи Финляндіи, которую этотъ Государь охранялъ своимъ твердымъ царскимъ обѣщаніемъ. Во внутренней обособленности Финляндіи онъ видѣлъ залогъ счастья не только финляндскаго народа, но и Россіи. Императоръ Александръ II развилъ начала самоуправленія, положенныя въ основанія финляндской гражданственности его дядей и тѣмъ, конечно, стяжалъ себѣ безсмертную

любовь признательной Финляндіи. Финскій народъ, приложившій къ своей испытанной вѣрности безграничную любовь къ этому Государю, перенесъ таковую также на тѣхъ, его лучшихъ сподвижниковъ, которые своею просвѣщенною дальновидностью содѣйствовали упроченію благоденствія и благополучія всѣхъ народностей, соединенныхъ между собою подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ.

Не только преступнымъ, но и безчестнымъ, поэтому, можетъ быть названо всякое, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, обнаруживаемое желаніе русскихъ псевдо-патріотовъ, обвинить финскій народъ, или лучшихъ его дѣятелей, въ склонности къ сепаратизму. Но еще болѣе гнуснымъ въ глазахъ честныхъ людей, являются довольно откровенные намеки на политическую неблагонадежность Финляндіи и ея скандинавскія вожделѣнія. Иначе, какъ съ негодованіемъ, нельзя относиться къ этимъ русскимъ лжецамъ, безнаказанно позорящимъ Россію своимъ безстыдствомъ и наглымъ издѣвательствомъ въ печати надъ святыми чувствами высоко преданнаго ей народа. Съ краскою стыда — за Россію и лучшіе элементы ея интеллигенціи — читаешь опроверженія этихъ гнусныхъ обвиненій, написанныя лучшими сынами Финляндіи. Но въ нихъ то и мечутъ, главнымъ образомъ, грязью озлобленные руссификатары, прикрываясь щитомъ „русскаго

патріотизма". Между тѣмъ, даже финляндская поэзія дышетъ преданностью къ монархамъ; а какъ сильна преданность финскаго народа — знаетъ каждый, хоть немного, освѣдомленный съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Финляндіи. Она запечатлѣна кровью, духомъ законности и свѣтлыми надеждами финскаго народа на будущее. Въ фактахъ, подтверждающихъ все вышесказанное, нѣтъ недостатка и они могутъ быть приводимы даже съ избыткомъ.

Финляндцы глубоко убѣждены, что русскій народъ не ищетъ вражды и охотно вѣрятъ, что лучшіе элементы русской интеллигенціи не только не сочувствуютъ видамъ лже-патріотовъ, но даже не имѣютъ ничего общаго съ этими изувѣрами. Культурные успѣхи Финляндіи, напротивъ, вызывали въ нихъ искреннюю радость и это знаетъ весь грамотный финскій народъ.

Откуда же, въ такомъ случаѣ, могли идти вышеуказанныя стремленія къ угнетенію свободнаго народа, призваннаго къ самостоятельной политической жизни русскими царями? Надо полагать, что таковыя, во всякомъ случаѣ, нечестныя вожделѣнія исходятъ отъ вполнѣ темныхъ личностей, которыя съумѣли подъ личиной благочестія пробраться ближе къ трону и занять болѣе видныя положенія въ ряду другихъ общественныхъ дѣятелей. Едва ли можно сомнѣваться,

что эти злые и коварные люди, въ политическую программу которыхъ входятъ разрушеніе и внесеніе всюду за собой смуты и растлѣнія, любятъ Россію искренно и готовы, ради благополучія русскаго народа, жертвовать собой. Нѣтъ, не таковы эти дѣятели, чтобы безкорыстно служить и бороться за высокія идеи. Напротивъ, имъ выгодно вносить всюду раздоръ, чтобы въ мутной водѣ ловить для себя рыбу. Съ этою цѣлью развратили они также часть русской печати, которая постаралась за разныя подачки до того запутать все и извратить въ финляндскомъ вопросѣ, что большинство русскихъ людей имѣетъ о немъ совершенно превратныя сужденія. Въ настоящее время только одна истина, произносимая совершенно свободно, можетъ еще помочь дѣлу. Только она одна откроетъ глаза Государю и Россіи и можетъ содѣйствовать составленію вполнѣ справедливаго приговора. Наконецъ только одна истина можетъ дать удовлетвореніе опечаленному финскому народу, въ которомъ не было никогда болѣе пламеннаго желанія, какъ желаніе свято исполнять свой долгъ передъ Богомъ, Государемъ и Россіей.

Но къ крайнему прискорбію приходится сознаться, что въ наши дни мы можемъ менѣе, чѣмъ когда либо раньше, ожидать скораго обнаруженія истины. Временщики все захватили въ свои руки: школу, земство,

воспитаніе, церковь, государство и даже протянули свои цѣпкія руки къ Престолу. Они своими предосудительными дѣйствіями въ области оффиціальной и общественной жизни непростительно дерзко посягаютъ на чистоту и достоинство русскаго трона. Проводя отъ имени царя преступные замыслы они нерѣдко прикрываются даже „распятіемъ“. — Да, даже распятіемъ и евангеліемъ!.. Распространяясь о Христѣ и христіанствѣ они совершенно игнорируютъ истинный смыслъ христіанскаго ученія и слова Великаго Учителя. Величаютъ Спасителя и забываютъ, что единственный путь къ спасенію — это освобожденіе духа отъ власти тѣла путемъ просвѣщенія. Преклоняются предъ Христомъ на всѣхъ перекресткахъ дорогъ, чтобы всѣмъ было видно, какъ они набожны и, въ то же время, попираютъ ногами лучшія ученія Христа о братствѣ, мирѣ и справедливости! Каждому просвѣщенному русскому человѣку понятно насколько примѣнимы эти слова къ нынѣшней русской жизни! Но есть уголокъ россійской державы, прикрываемый крылами двуглаваго орла, гдѣ еще до наступленія прошлаго 1899 года эти слова были бы непоняты! Этотъ уголокъ — Финляндія. Въ ней искренно, горячо и даже почтительно любили своего Верховнаго Вождя, унаслѣдовавшаго историческую роль просвѣтителя финскаго народа, а также защитника

его свободы и конституціоннаго правленія, составлявшихъ въ теченіе многихъ вѣковъ, краеугольный камень всего общественнаго строя Финляндіи. Давно ли населеніе этой страны тысячи озеръ жило обособленною жизнью, дышало духовнымъ воздухомъ, процѣженнымъ суровою и превратною его судьбой и исторіей? Давно ли развивалось оно подъ защитою своего стариннаго и надежнаго закона, признаннаго и подтвержденнаго пятью русскими Императорами? Но роковая судьба рѣшилась еще разъ испытать могучій духъ малочисленнаго народа, заброшеннаго ею къ полярному кругу. Неожиданно для всѣхъ, какъ молнія съ яснаго неба, явился манифестъ 3/15 Февраля 1899 года съ приложенными къ нему „основными положеніями.“ До этого случая всѣ Высочайшіе Манифесты всегда подписывались и скрѣплялись, согласно финляндскимъ основнымъ законамъ, министромъ статсъ-секретаремъ Финляндіи. Но манифестъ 3/15 Февраля 1899 года обнародованъ безъ подписи финляндскаго министра. Между тѣмъ участіе этого высшаго финляндскаго сановника при изданіи или обнародованіи законоположеній для конституціонной Финляндіи всегда признавалось самодержцами необходимымъ. Почему же на сей разъ сочли возможнымъ обойти основной законъ и не соблюсти его во всей силѣ, какъ того требовали даже обстоятельства? Скажемъ прямо:

потому, что только этимъ путемъ можно было обмануть царя! Надо было скрыть отъ него истину и это, къ сожалѣнію, вполнѣ удалось...

И такъ, нѣкоторые русскіе высшіе сановники, воспѣтые за свои патріотическія заслуги на столбцахъ „Свѣта“, „Новаго Времени“, „Московскихъ Вѣдомостей“ и другихъ, подобныхъ имъ органовъ темной печати, — снова отличились. Капитолій спасенъ, а гусямъ по лягушкѣ!.... Всегда вѣрный народъ, пользовавшійся безусловнымъ довѣріемъ своихъ государей въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, находится теперь въ опалѣ. Но кто виновенъ въ томъ, что финскій народъ постигла вполнѣ незаслуженная имъ тяжкая кара? Отвѣтимъ прямо: — тѣ же отбросы русской интеллигенціи, для которыхъ нѣтъ на всемъ свѣтѣ что нибудь выше ихъ личныхъ интересовъ. Но оставимъ этихъ человѣконенавистниковъ въ покоѣ на нѣкоторое время и обратимся къ финскому народу. Что думаетъ этотъ молчаливый и преданный народъ, послѣ такого страшнаго нравственнаго потрясенія, которое онъ испыталъ съ появленіемъ манифеста 3/15 Февраля 1899 г.? Не закипѣла ли въ его груди злоба къ своимъ угнетателямъ?.... Нѣтъ — онъ, какъ всегда, спокоенъ. Хотя отъ имени царя отнимаютъ у него законы, съ которыми онъ уже сжился, хотя его вездѣ обижаютъ царскіе слуги — и въ школѣ, въ семьѣ, въ

печати, въ обществѣ, въ сеймѣ и даже въ храмѣ — онъ все же спокойно смотритъ на всѣ эти безаконія и только глубоко скорбитъ за обманутаго Царя. Всѣми способами генералъ Бобриковъ старался оскорблять народъ, чтобы вызвать въ странѣ возстаніе, но онъ ошибся, полагая, что народъ не разгадаетъ его истинныхъ намѣреній и не сумѣетъ оцѣнить его опытность въ разныхъ темныхъ дѣлахъ.

Народъ узналъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и на всегда отвернулся отъ этого, черезъчуръ „просвѣщеннаго," русскаго генерала, легкомысленно играющаго его судьбой. И такъ повторяемъ — въ оскорбленномъ и обиженномъ финскомъ народѣ нѣтъ даже злости къ своимъ врагамъ, — онъ лишь искренно сожалѣетъ о томъ положеніи, въ которомъ находится обманутый его Государь и Великій Князь. Видя своего Верховнаго Вождя, увлекаемаго злыми людьми въ омутъ политическаго разврата, финскій народъ все еще не теряетъ надежду найти для него выходъ въ народной молитвѣ, возносимой ежедневно къ Царю Царей повсемѣстно въ Финляндіи, отъ береговъ финскаго залива до самыхъ тундръ Лапландіи.

Было бы ошибочнымъ предполагать, что въ Финляндіи не знаютъ истинныхъ поползновеній той части русскаго современнаго правительства, которая, поддерживаемая псевдо-

патріотической печатью, стремится захватить власть въ свои руки и окончательно обезличить русскій народъ. Уже теперь нѣкій представитель изъ елейнаго мира, извѣстный сочинитель всевозможныхъ курьезныхъ манифестовъ, не стѣсняется открыто утверждать, что, чѣмъ глубже будетъ пропасть, раздѣляющая русскую интеллигенцію отъ народа, тѣмъ сильнѣе станетъ правительство въ Россіи и полнѣе ея самодержавная власть. Отсюда не трудно понять почему эта небольшая группа гонителей правды и свѣта обрушилась на культурную Финляндію, откуда хоть на одно мгновеніе могъ вспыхнуть лучъ свѣта или проникнуть искра правды въ непроглядный мракъ, окутывающій теперь почти всю Россію. Тогда, быть можетъ, освѣтились бы также и всѣ темныя стороны современнаго режима, служащія кулисами для всякаго рода авантюристовъ, играющихъ, ради своихъ корыстныхъ цѣлей, судьбой и благополучіемъ многомилліоннаго народа. Добившись почти полнаго уничтоженія порядка и отнятія права у своего народа, эти ревностные и, притомъ самозванные, защитники престола и отечества не могли успокоиться до тѣхъ поръ, пока существовалъ въ имперіи одинъ уголокъ, гдѣ можно было найти право и порядокъ во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни. Эти лукавые совѣтники Государя, прикрываясь набожностью, смиренномудріемъ и благочестіемъ,

неустанно напѣваютъ ему сладкимъ голосомъ свою пѣсенку: — „Коль нашему народу едва ли полезенъ свѣтъ, то для другихъ, подвластныхъ намъ, подавно онъ не нуженъ... Коль намъ съ востока не свѣтитъ лучъ, то „ex occidente lux“ не нуженъ и подавно.“

Но что было бы, въ самомъ дѣлѣ, если нашему Государю удалось, наконецъ, постигнуть величайшую истину, заключающуюся въ полной необходимости для современной Россіи свободнаго слова! Какое великое сгастіе было бы это для Государя и Россіи! Преслѣдуй мысль — сказалъ какой то мудрецъ — она облетитъ весь міръ и ударитъ тебя въ спину!

Вѣдь цензурное вѣдомство преслѣдуетъ мысль лишь потому, что правдивое слово опасно только для нѣкоторыхъ временщиковъ, которымъ болѣе всего улыбается перспектива безконтрольнаго хозяйничанія въ странѣ. Они снабдили цензуру прочными кандалами и посадили въ это вѣдомство испытанныхъ палачей, старательно и съ ловкостью виртуозовъ, заковывающихъ въ прочныя тиски все, что носитъ отпечатокъ малѣйшаго протеста противъ грубаго произвола ихъ принципаловъ. Но кто же, какъ не народъ и его верховный вождь, болѣе всѣхъ терпятъ отъ подобнаго, систематическаго, преслѣдованія истины и правды? Давно уже пора придти къ заключенію, что народъ долженъ непосредственно

говорить съ своимъ Государемъ и, что обиліе всякаго рода посредниковъ между ними, влечетъ къ абсолютному незнанію и непониманію другъ друга — царя и народа. Правдивый голосъ народа, непринужденно высказываемый устами лучшихъ его сыновъ и въ границахъ просвѣщеннаго закона, есть именно тотъ способъ, который даетъ возможность царю узнавать истинныя нужды своихъ вѣрноподданныхъ и поспѣшать къ нимъ на помощь. Современное же слово, прошедшее сквозь рѣшето цензуры, не есть голосъ народа, но лишь голосъ чиновнаго міра, занятаго вѣчной борьбой за болѣе лакомые куски общественнаго пирога. Обращая вниманіе на угнетенное состояніе финляндской печати нельзя не замѣтить, что свобода ея въ настоящее время безусловно необходима и полезна для Государя. Временщики, — эти могильщики русской жизни — добивающіе своимъ молотомъ все, что осталось въ ней цѣльнаго, переносятъ теперь свои разрушительныя дѣйствія на Финляндію.

Имъ безразлично: — омрачится ли отъ этого слава Монарха въ народѣ, который привыкъ всегда считать Его своимъ защитникомъ отъ произвола сильныхъ. Имъ надо было лишить печать право голоса, чтобы, какъ и въ Россіи, можно было безнаказанно прибѣгать къ незаконнымъ дѣйствіямъ, къ грубому насилію, обманамъ, тайнымъ доно-

самъ и преслѣдованію истинно честныхъ гражданъ. Имъ нужно было лишить Финляндію, призванной на всегда къ конституціонной жизни волею ея державнаго вождя, того могучаго средства, съ помощью котораго отстаивала она свои священныя права отъ поползновенія на нихъ русской темной печати и новоявленныхъ героевъ, вносящихъ всюду за собою одно лишь растлѣніе. Неужели сердце юнаго Императора Николая II не преисполнилось бы справедливымъ гнѣвомъ къ своимъ сподвижникамъ, если бы только онъ узналъ всѣ тѣ пути и пріемы, къ которымъ прибѣгали эти люди, чтобы вселить въ немъ подозрѣніе къ преданному финскому народу? До сихъ поръ, по краней мѣрѣ, ни одинъ Монархъ не имѣлъ случая и повода заподозрить этотъ народъ въ невѣрности. На противъ, съ его стороны видѣли русскіе цари лишь искреннюю любовь и готовность во всякое время жертвовать собой ради интересовъ престола и Россіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ безпристрастная исторія, которую, къ счастью, русскіе временщики не въ силахъ заставить говорить неправду.

Безчисленныя доказательства своей любви къ императору Александру II финскій народъ проявилъ также и въ своей поэзіи. Въ Его царствованіе началось, главнымъ образомъ, культурное сближеніе финскаго народа съ русскимъ. Не будучи основано на при-

нужденіи оно въ особенности должно быть назидательно для нынѣшнихъ руссификаторовъ, наивно полагающихъ, что болѣе культурный народъ можетъ принять насильно навязываемую дружбу, которая, кромѣ того, всегда отличалась съ одной стороны весьма сомнительною искренностью. Но временщикамъ не нравится почитаніе финскимъ народомъ памяти этого Монарха. Когда Финны возложили изящный вѣнокъ въ Петропавловскомъ соборѣ на осиротѣлую могилу своего незабвеннаго Монарха Александра II — временщики и ихъ приспѣшники велѣли убрать его къ пріѣзду Государя подъ тѣмъ предлогомъ, то онъ будто бы завялъ (совсѣмъ свѣжій вѣнокъ!). Это новый, въ послѣднее время, ударъ въ лицо скромнаго народа! Не было, молъ, злата у тебя — такъ убери твои поблекшіе лавры и розы.... Случалось ли когда нибудь, чтобы слуги имѣли дерзость выбросить съ барской могилы вѣнокъ за то, что онъ не въ шелковой лентѣ? А съ финнами это сдѣлали въ 1898 году и Государь, конечно, ничего объ этомъ не знаетъ! Эта, во всякомъ случаѣ, неслыханная дерзость въ достаточной степени обрисовываетъ то положеніе, которое заняли нынѣ при царѣ его ближайшіе сподвижники.

Объяснивъ въ краткихъ словахъ истинный смыслъ похода противъ Финляндіи и

указавъ въ общихъ чертахъ ту среду, откуда началось проведеніе въ жизнь своеобразныхъ взглядовъ, противорѣчащихъ духу человѣколюбія — мы приступимъ къ освѣщенію „просвѣщенной“ дѣятельности нѣкоторыхъ лицъ, занявшихъ въ послѣднее время выдающееся положеніе въ исторіи разгрома Финляндіи. Пальма первенства въ этомъ неблагочестивомъ дѣлѣ, конечно, принадлежитъ Генералу - Адъютанту Николаю Ивановичу Бобрикову. Начнемъ съ появленія манифеста 3/15 Февраля 1899 года. Этотъ документъ, долженствующій, собственно говоря, имѣть чрезвычайное значеніе, — былъ изданъ незаконно и безъ соблюденія даже тѣхъ формальностей, которыя въ такихъ случаяхъ предписаны основными законами Финляндіи и волею ея верховнаго вождя. Очевидно, что Государь не могъ говорить противъ самаго себя, а потому не подлежитъ сомнѣнію, что Его обошли и самымъ вѣроломнымъ образомъ выманили у него согласіе и подпись для утвержденія незаконнаго манифеста. Наконецъ едва ли подлежитъ сомнѣнію, что Государь XX-го столѣтія, который въ своемъ рескриптѣ, по поводу открытія конференціи мира въ Гагѣ, высказалъ столько высокихъ истинъ и гуманныхъ идей — могъ рѣшиться однимъ росчеркомъ пера уничтожить всѣ благіе результаты почти семивѣковой культурной борьбы малочисленнаго

народа, обосновавшагося съ такимъ неимовѣрнымъ трудомъ на безплодномъ гранитѣ среди болотъ и почти у самаго полярнаго круга. Повѣрить этому невозможно и остается только надѣяться, что въ будущемъ найдутся честные люди, которые не устрашатся доказать Государю всю неправоту Его современныхъ совѣтниковъ.

Не говоря уже о томъ, что всѣ приложенія къ манифесту написаны чрезвычайно туманно, — въ нихъ вкрался также весьма крупный недостатокъ, а именно: — пропущено „сказуемое“. Между тѣмъ, отсутствіе этой, весьма важной, части предложенія, въ подобныхъ актахъ можетъ привести къ непріятнымъ недоразумѣніямъ. Очевидно, манифестъ былъ составленъ на скорую руку, въ попыхахъ, и, можетъ быть, даже келейно. Генералъ Бобриковъ надѣялся, что выманивъ у своего Государя согласіе на изданіе вышеназваннаго манифеста, ему удастся также усыпить вниманіе финскаго народа и обмануть его насчетъ истиннаго значенія этой грамоты. Но не тутъ то было. Финляндскій Сенатъ, стоя на стражѣ интересовъ своего народа, хотя и вынужденно обнародовалъ этотъ манифестъ, но, тѣмъ не менѣе, мужественно протестовалъ, передъ Государемъ противъ его законности. Конечно Бобриковъ и его друзья въ Петербургѣ поспѣшили по своему объяснить этотъ протестъ и Государь

не внялъ правдивому голосу Финляндскаго Сената. Въ своемъ отзывѣ Государю, по поводу появленія манифеста 3/15 Февраля, высшіе административные лица Финляндіи между прочимъ говорятъ слѣдующее:

„Сенатъ не колеблется всеподданнѣйше выразить, что финскій народъ, — безъ различія, какъ верхніе, такъ и низшіе его слои, — вынужденъ видѣть въ этомъ (т. е. въ Высочайшемъ манифестѣ) угнетеніе его конституціонныхъ правъ, котораго, насколько извѣстно народу, онъ не вызвалъ какими либо дѣйствіями.“ Всѣдъ за этимъ протестомъ послѣдовалъ другой со стороны прокурора Сената — этого высшаго блюстителя закона, уполномоченнаго верховною властью, въ случаѣ противозаконнаго дѣйствія Генералъ-Губернатора доводить объ этомъ до свѣдѣнія Государя. Далѣе слѣдовали протесты предсѣдателей сословій Сейма и исправляющаго должность Министра Статсъ-Секретаря Финляндіи. Но первые два протеста не были приняты. Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить одинъ курьезъ, въ достаточной степени показывающій насколько самъ Бобриковъ, его приспѣшники и друзья освѣдомлены о Финляндіи и финскомъ народѣ. Когда генералъ Бобриковъ отправился въ Петербургъ за манифестомъ, онъ такъ напугалъ нѣкоторыхъ почтенныхъ и многихъ совсѣмъ непочтенныхъ старцевъ готовящимся

въ Финляндіи возстаніемъ, что тѣ не на шутку испугались. Въ какихъ краскахъ представилъ онъ состояніе умовъ въ Финляндіи — можно себѣ вполнѣ ясно представить, зная, какъ легкомысленно привыкъ онъ относиться къ правдѣ и истинѣ. Онъ сумѣлъ уговорить Государя и даже военнаго министра Куропаткина (котораго почему то долгое время считали за умнаго человѣка) приготовить войска для подавленія штыками фантастическаго возстанія. И войска были приготовлены къ выступленію. Ждали только тревожной телеграммы отъ Бобрикова, отправившагося съ манифестомъ въ Гельсингфорсъ. Но телеграммы нѣтъ, какъ нѣтъ. Что за притча? Манифестъ давно объявленъ, а насчетъ возстанія что то не слыхать. Осерчалъ Бобриковъ не на шутку и жестоко обидѣлся, хотя не сконфузился. Онъ ли не старался разжигать страсти, онъ ли не въ потѣ лица своего трудился надъ этой завѣтной мечтой и вдругъ... quelle passage!... о возстаніи никто изъ финновъ и не думаетъ! Вотъ ужъ, именно, народъ съ обледенѣлою кровью!... Въ Петербургѣ тоже удивились. Покачали головой, подумали немного и рѣшили, что вѣрно возстанію не бывать. Кое кто, впрочемъ, сконфузился, а остальные затрубили по прежнему въ іерихонскую трубу. Войска также пришли въ себя и успокоились. Одинъ Бобриковъ и его друзья, — начиная

съ подкупленныхъ имъ оборванцевъ и кончая затянутыми въ мундиръ генеральнаго штаба — продолжали сѣять смуту въ надеждѣ, что въ концѣ концовъ выведутъ народъ изъ терпѣнія. Но и они, кажется, въ послѣднее время стараются избѣгать разговоровъ на эту тему. Однако подъ блестящимъ мундиромъ офицера по прежнему бьется ретивое сердце, жаждующее крови, хотя бы даже невиннаго брата. Какъ милы и дороги ему чины, почести и блестящія побрякушки, именуемыя оффиціально орденами!

Передъ такимъ соблазномъ не устоитъ бѣдное сердце современнаго рыцаря: очертя голову и подавивъ голосъ совѣсти готовъ, онъ ринуться во славу себя и отечества, на мирный народъ съ обнаженнымъ оружіемъ...

Между тѣмъ вмѣсто ожидаемаго возмущенія, по всей Финляндіи воцарилась необычайная тишина. Толпами останавливался народъ передъ магазинами, гдѣ въ окнахъ были выставлены крупно напечатанные листы съ текстомъ манифеста. Никакого спора или шума не было слышно на улицѣ. Всѣ ходили съ понуренными головами и мрачными лицами, какъ будто только что вернулись съ похоронъ близкаго лица. Населеніе облеклось въ трауръ. Погребальный звонъ церковнаго колокола, приглашавшій гражданъ къ молитвѣ, довершалъ всеобщее уныніе. Такъ было въ городахъ и такъ было всюду, не исключая

самыхъ отдаленныхъ уголковъ Финляндіи. Закрылись театры и увеселительныя мѣста... смолкъ говоръ на улицахъ... Бобриковъ все это видѣлъ, удивлялся всему и тяжко скорбѣлъ... скорбѣлъ, что затѣя его не удалась.

Не успѣло населеніе страны еще придти въ себя отъ этого удара, какъ разнесся слухъ, что депутація изъ пятисотъ представителей со всѣхъ приходовъ Финляндіи, отправленная къ Государю — не была имъ принята. Эта необычайная, по числу участвующихъ лицъ, депутація везла своему Монарху адресъ отъ финляндскаго народа, покрытый 522,931 подписями и въ которомъ этотъ скромный народъ умолялъ своего Государя отмѣнить манифестъ 3/15 Февраля 1899 года, разрушающій всѣ основы его правоваго порядка.

Это горестное извѣстіе быстро распространилось по всей Финляндіи. Изъ города въ городъ, изъ прихода въ приходъ — оно достигло самыхъ отдаленныхъ хижинъ Лапландіи и всюду принесло съ собою только горе и печаль. Народъ затруднялся найти истинную причину подобнаго отношенія къ его голосу своего любимаго Монарха. Онъ не вѣрилъ, чтобы Государь могъ лично отвергнуть этотъ адресъ и винилъ во всемъ Бобрикова, который, какъ оказалось впослѣдствіи, и тутъ сумѣлъ обмануть своего Государя при содѣйствіи Петербургскихъ друзей.

Интересно прослѣдить, какимъ образомъ зародилась смысль о подачѣ Государю этого замѣчательнаго адреса и какимъ образомъ въ самый короткій срокъ было собрано болѣе пятисотъ тысячъ подписей.

Первые дни послѣ объявленія манифеста 3/15 Февраля 1899 года, всѣ были до того поражены этимъ неожиданнымъ несчастіемъ, что, совсѣмъ, казалось, потеряли свои головы. Но послѣ того, какъ Сенатъ былъ вынужденъ обнародовать Высочайшій манифестъ, стали понемногу приходить въ себя и обсуждать со всѣхъ сторонъ свое новое положеніе, чтобы возможно скорѣе найти изъ него выходъ. Въ это время въ Гельсингфорсъ прибывали въ огромномъ количествѣ письма изъ провинцій, а телеграфъ и телефонъ работали всѣ ночи на пролетъ. Провинція ждала рѣшенія столицы. На многолюдномъ собраніи горожанъ было наконецъ рѣшено послать Государю адресъ съ просьбой объ отмѣнѣ манифеста. Съ этого момента вся Финляндія пришла въ необычайное движеніе. Распорядительный комитетъ работалъ не покладая рукъ своихъ, тысячи гонцовъ понеслись во всѣ приходы Финляндіи не исключая и тѣхъ, которые находились за полярнымъ кругомъ. Телеграфъ и почта, находившіеся въ рукахъ русскаго правительства, не могли принести въ этомъ дѣлѣ существенной пользы, такъ какъ вскрываніе писемъ и присвоеніе содер-

жанія телеграммъ, доселѣ никогда не практиковавшіяся въ Финляндіи, теперь примѣнялись въ широкихъ размѣрахъ. Это безцеремонное и, конечно, позорное заглядываніе въ чужую душу было первою прелестью русскихъ порядковъ, съ которою финляндцамъ пришлось ознакомиться. Но это было только началомъ растлѣвающей дѣятельности генерала Бобрикова.

Такимъ образомъ въ распоряженіи комитета оставались лишь гонцы и телефонъ. Первые гонцы покинули Гельсингфорсъ только 12 Февраля, а 5 Марта во всѣхъ городахъ и деревняхъ Финляндіи происходили уже собранія и сборища. Отъ каждой деревни, въ свою очередь, посылались во всѣ стороны другіе гонцы къ сосѣдямъ. Народъ собирался въ церквахъ, спѣша подписать доставленные сюда гонцами листы. Можно себѣ представить всю глубину охватившаго народомъ этузіазма, когда при отсутствіи дорогъ на сѣверѣ, люди стекались толпами и одиночно, пробѣгая на лыжахъ болѣе 100 верстъ въ сутки! Сколько трогательныхъ сценъ, сколько замѣчательныхъ эпизодовъ связано съ собираніемъ подписей для „великаго адреса.“ Во всемъ этомъ сказался столь мощный духъ финскаго народа и проявилось столько горячей любви къ суровой родинѣ, что нельзя ни минуту сомнѣваться, насчетъ той энергіи съ которою онъ будетъ бороться противъ своихъ угнета-

телей — разныхъ Бобриковыхъ и ему подобныхъ людей, проповѣдующихъ насиліе.

Не лишнимъ будетъ привести нѣкоторыя выдержки изъ этого замѣчательнаго, имѣющаго историческое значеніе, адреса.

„Манифестъ 3 Февраля Вашего Императорскаго Величества возбудилъ тревогу и скорбь по всей Финляндіи. Временемъ освященное право финскаго народа на участіе, черезъ своихъ сословныхъ представителей, въ законодательствѣ-было подтверждено блаженной памяти Императоромъ Александромъ I и расширено и урегулировано при Императорахъ Александрѣ II и Александрѣ III. Однако же теперь, согласно основнымъ положеніямъ, изданнымъ вмѣстѣ съ манифестомъ, земскіе чины въ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ признаны касающимся интересовъ всей имперіи, не будутъ допущены къ участію въ законодательствѣ съ рѣшающимъ правомъ голоса, обезпеченнымъ за ними основными законами Финляндіи. Государь, этотъ манифестъ колеблетъ фундаментъ нашего общественнаго строя. —

„Подъ скипетромъ благородныхъ монарховъ и подъ защитой своихъ законовъ, Финляндія постоянно прогрессировала въ благосостояніи и нравственномъ развитіи; народъ финскій добросовѣстно старался выполнять свои обязанности по отношенію къ своимъ монархамъ и къ Россійской Имперіи. Намъ

извѣстно, что у нашей родины въ послѣднее время въ Россіи были враги, которые старались клеветою возбуждать недовѣріе къ преданности и честности финскаго народа, но намъ также извѣстно что эта клевета — порожденіе неправды. Нѣтъ страны, гдѣ уваженіе къ законной власти и къ закону имѣло бы болѣе глубокіе корни, нежели въ Финляндіи...

„Мы не можемъ повѣрить, чтобы въ благомъ намѣреніи Вашего Императорскаго Величества было поколебать этимъ манифестомъ законный порядокъ и внутреннее устройство Финляндіи. Мы скорѣе готовы вѣрить, что Вашему Величеству благоугодно будетъ принять къ сердцу впечатлѣніе, произведенное манифестомъ, и повелѣть привести его „положенія“ въ согласіе съ основными законами Финляндіи. Въ нашихъ сердцахъ не можетъ быть мѣста сомнѣнію въ ненарушимости Императорскаго слова. Намъ всѣмъ извѣстны слова, провозглашенныя благороднымъ монархомъ передъ лицомъ всего человѣчества, что сила должна уступать праву, и что право малаго народа такъ же священно, какъ и величайшей націи.“

Депутаціи было отказано въ пріемѣ адреса на основаніи существовавшаго въ 1826 году положенія о воспрещеніи подачи петицій мѣстными жителями иначе, какъ черезъ административныя инстанціи. Рѣшеніе

Государя и Его совѣтъ депутаціи поскорѣе оставить Петербургъ были выслушаны главарями ея отъ министра секретаря Финляндіи Прокопе. Это побудило одного изъ главарей — англійскаго вице-консула въ Финляндіи г. Вольфа — высказать нѣсколько горькихъ истинъ о которыхъ намъ нельзя умолчать.

„Итакъ — заявилъ Вольфъ — съ этимъ утѣшительнымъ результатомъ мы должны вернуться къ нашимъ соотечественникамъ, которые ждутъ насъ съ такимъ нетерпѣливымъ волненіемъ? Таковъ отвѣтъ, которымъ нашъ монархъ удостоиваетъ вашу вѣрноподданнѣйшую просьбу подвергнуть къ стопамъ Его нашу скорбь и наше несчастіе, — Его, котораго, послѣ Господа, мы считаемъ нашей главною защитою? Мы вернемся спокойно домой, какъ повелѣваетъ намъ Государь, но мы вернемся другими, чѣмъ какими мы пріѣхали сюда. Мы пріѣхали съ твердой надеждою, и мы возвращаемся разочарованные. Прежде чѣмъ оставить эту комнату, мы считаемъ долгомъ своей совѣсти сказать, что, по нашему мнѣнію, законъ 1826 года неприложимъ къ необыкновенному шагу, сдѣланному нашими избирателями, когда они съ довѣріемъ послали насъ сдѣлать личное возваніе къ Государю во имя справедливости.

„Въ виду заявленій, которыя Государь самъ всегда дѣлалъ относительно вѣрности

Финляндцевъ къ ихъ монархамъ, равно, какъ и многократныхъ увѣреній въ довѣріи со стороны августѣйшаго Его родителя и незабвеннаго прародителя, — мы умоляемъ Васъ спросить Его: — готовъ ли Онъ, передъ Богомъ и судомъ исторіи, нести отвѣтственность за нравственную гибель цѣлаго народа?

„Мы не можемъ теперь видѣть результатовъ гибельнаго дѣйствія его (Манифеста 3 Февраля): наши мысли останавливаются передъ открывающейся намъ перспективой. Но наши дѣти, которымъ мы надѣялись передать въ качествѣ наслѣдія, нравственный идеалъ, еще высшій и лучшій, нежели нашъ собственный, быть можетъ, увидятъ эти результаты, когда на ихъ глазахъ будутъ рушиться глубочайшія основы нашего политическаго существованія, когда нашъ народъ превратится въ народъ лицемѣровъ съ ложью на устахъ. Репутація финской націи, какъ націи вѣрной и честной, быть можетъ, станетъ тогда сказаніемъ былого. Сообщите же Государю, что нынѣ въ Финляндіи существуетъ больше двухъ милліоновъ лояльныхъ подданныхъ, которые готовы и никогда не уклонятся отъ исполненія своего долга. Но не скрывайте отъ него, что мы также сознаемъ и свои права.

„Мы не мятежники, но мы не были бы достойны своихъ свободныхъ учрежденій,

если бы мы не протестовали открыто и безъ боязни, скромно, но твердо противъ всяческихъ нарушеній нашихъ основныхъ законовъ и нашей конституціи, которую пять монарховъ клялись соблюдать или даже дальше развивать. Весь финскій народъ видитъ такое нарушеніе въ рескриптѣ 3 Февраля. Мы просимъ Васъ увѣдомить Государя, что мы рѣшились прибѣгнуть къ нему именно для того, чтобы Онъ соблаговолилъ отмѣнить этотъ рескриптъ и положилъ предѣлъ растлѣвающей системѣ шпіонства.

„Мы понимаемъ, что Государю, какъ это бываетъ, могутъ быть представляемы адреса съ инымъ содержаніемъ, нежели нашъ. Мы просимъ Васъ поэтому передать Ему, что нѣкогда Іуда продалъ Спасителя за 30 серебрениковъ. Даже среди насъ, я съ прискорбіемъ сознаюсь, можно найти людей, которые за золото готовы продать свою родину.

„Мы просимъ Васъ передать эти наши чувства Всемилостивѣйшему Монарху.“

Спустя нѣкоторое время по пособѣ русскаго правительства вице-консулъ Вольфъ былъ уволенъ отъ должности. Это распоряженіе англійскаго правительства вызвало сильное негодованіе въ Англіи интеллигентнаго класса. Кромѣ того 12 британскихъ вице-консуловъ финской національности немедленно отказались отъ своихъ должностей,

мотивируя свой отказъ полною солидарностью съ мнѣніемъ г. Вольфа.

Возвращеніе депутаціи изъ Петербурга ожидалось съ нетерпѣніемъ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ всѣ уже знали объ участи, постигшей „великій адресъ“. За нѣсколько часовъ до прибытія поѣзда вся платформа желѣзнодорожной станціи и площадь передъ нею были полны народу. Съ появленіемъ перваго делегата грянулъ національный гимнъ и весь народъ обнажилъ свои головы. Въ эту торжественную минуту всѣ мысли и всѣ чувства собравшихся здѣсь принадлежали только ихъ бѣдной родинѣ, за участь которой было пролито не мало горькихъ слезъ. Въ сторонѣ, въ почтительномъ отдаленіи, наблюдали за происходившимъ усердные слуги Бобрикова — жандармы, внося своимъ присутсвіемъ непріятную дисгармонію въ эту величественную картину.

Чрезвычайный сеймъ, между тѣмъ, все еще продолжалъ засѣдать въ полномъ своемъ составѣ. Каждый своимъ трудомъ спѣшилъ внести посильную лепту на алтарь своего отечества. Одинъ старался быть полезнымъ своими научными познаніями, другой, умудренный житейскимъ опытомъ, помогалъ совѣтами. Всѣ, какъ одинъ, старались разсѣять туманъ, окутывавшій горизонтъ. Ускореннымъ темномъ билось сердце каждаго депутата при вотированіи жгучихъ вопросовъ, лихорадочно

и ревностно трудились разныя комиссіи надъ разработываніемъ этихъ вопросовъ.... Результатомъ совмѣстнаго дружнаго труда явились наконецъ два превосходныхъ трактата, составляющихъ замѣчательныя монографіи государственнаго и народнаго права. Этотъ трудъ чрезвычайнаго сейма, напечатанный на всѣхъ языкахъ, неисключая и русскаго, можно смѣло рекомендовать вниманію всѣхъ просвѣщенныхъ людей, интересующихся общественными вопросами.

Едва только закрыля чрезвычайный сеймъ, какъ стало извѣстно, что въ Петербургъ прибыла международная депутація, во главѣ которой находился бывшій французскій министръ юстиціи сенаторъ Трарьё. Депутація состояла изъ шести человѣкъ: сенатора Трарьё, В. Брюггера — декана историч. факультета универс. въ Христіаніи, Норманъ Гансена — директора офтальмологической клиники въ Коппенгагенѣ, профессора Шинней — изъ Буда-Песта, Эмиліо Бруса — проф. международнаго института права въ Туринѣ и В. ванъ деръ Флюгта — профессора юриспруденціи въ Лейденѣ. Первоначально рѣшено было послать Государю международную депутацію изъ представителей одиннадцати европейскихъ государствъ, но затѣмъ оказалось, что нѣкоторые, по разнымъ обстоятельствамъ, не могли выѣхать въ Петербургъ. Международный адресъ имѣлъ

цѣлью показать Государю, что почти вся просвѣщенная Европа торжественно заявляетъ о своемъ сочувствіи къ финляндцамъ.

Дѣйствительно: на адресѣ красовалось 1050 подписей самыхъ выдающихся людей современной Европы. Считаемъ не лишнимъ, въ виду недостатка мѣста, указать только на нѣкоторыхъ изъ подписавшихся.

Франція: — Эмиль Золя, Трарьё, Гастонъ Пари, герцогъ Брольи, Сюлли Прюдоммъ и др. Германія: — Вирховъ, Момсенъ, Геккель и др. Англія: — Тейлоръ, Маршалль, Роско, Меррей, Спенсеръ, Листеръ, Кэрдъ и др. Италія: — Ломброзо, Кардуччи, де Амичисъ и др. Швеція: — Норденшельдъ и др. Норвегія: — Ибсенъ, Бьернсонъ, Нансенъ и др. Данія: — Брандесъ и др. Голландія: — графъ Биландъ, ванъ Емнесъ и др.

Укажемъ здѣсъ на небольшія выдержки изъ адреса, подписаннаго выдающимися людьми, дружественной Россіи, Франціи. „Мы, нижеподписавшіеся, просимъ Ваше Величество позволить намъ почтительнѣйше выразить то чувство скорби и удивленія, которое мы испытали при чтеніи петиціи отъ 21 Февраля 1899 г., въ которой больше полумилліона финляндцевъ просятъ Ваше Величество сохранить въ цѣлости права и привилегіи, гарантированныя странѣ ихъ императоромъ Александромъ I на сеймѣ въ Борго въ 1809 г., а затѣмъ по фредриксгамнскому договору, и подтвержденныя всѣми

императорами Россіи при вступленіи на престолъ и т. д.“ Депутацію приняли въ Петербургѣ далеко не вѣжливо, хоть устроили ей банкетъ, на которомъ заявили, что Государь не хочетъ принять — ни ее, ни международнаго адреса. И здѣсь разумѣется былъ замѣшанъ генералъ Бобриковъ, который, всѣми мѣрами старается не допускать до царя опасныхъ для него лицъ. Развѣ онъ можетъ теперь поступать иначе, когда одно правдивое слово, случайно запавшее въ душу и сердце царя, можетъ погубить не только все дѣло, но и самого Бобрикова.

Хотя депутація не была принята и выслушана, хотя международный адресъ и не попалъ въ руки царя, но тѣмъ не менѣе самый фактъ протеста лучшихъ представителей просвѣщенной части Европы противъ несправедливаго подавленія финскаго народа, никогда уже болѣе не изгладится въ умахъ мыслителей всего свѣта. Международный адресъ, сохраняющійся въ настоящее время въ архивахъ Голландіи, будетъ служить однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ памятниковъ. Вѣдь, не было еще примѣра въ исторіи, чтобы подобный международный документъ имѣлъ столько подписей выдающихся людей. Тысячи экземпляровъ этого адреса было изданы, затѣмъ, и разошлись по всему міру. Просматривая роскошное изданіе этого культурнаго адреса и знакомясь съ

его содержаніемъ и подписями великихъ людей, невольно приходитъ въ голову мысль о причинѣ такой бури, поднятой жрецами науки. Вѣдь не зря они подписывали свои имена на этомъ исторически важномъ документѣ? Очевидно въ образѣ дѣйствій русскаго правительства по отношенію къ Финляндіи допущена слишкомъ большая несправедливость, замѣчаемая всѣми просвѣщенными и честными людьми. Почему же русское общественное мнѣніе молчитъ и не желаетъ присоединиться къ голосу лучшихъ людей. Или оно усыплено лживою рѣчью разрушителей Финляндіи и ихъ развращенною печатью? Вѣдь не можетъ оно сочувствовать насилію, совершаемому надъ культурнымъ народомъ. Это предположеніе вытекаетъ уже изъ того сочувствія, которое оно выражало и выражаетъ бурамъ. Что же — бурамъ можно сочувствовать и, въ тоже время, можно спокойно смотрѣть, какъ всѣми мѣрами угнетаютъ финляндцевъ.... такъ что ли?... Но Финляндія знаетъ, что лучшіе элементы русской интеллигенціи, хотя и составляющіе небольшую горсть, съ омерзѣніемъ отворачиваются отъ всей дѣятельности Бобрикова и русскихъ лже-патріотовъ, проповѣдующихъ насиліе. Финляндцы знаютъ въ какихъ желѣзныхъ тискахъ находится въ Россіи печать и честная мысль, а потому имъ вполнѣ достаточно только дружественнаго

взгляда и пожатія дружественной руки хотя бы и незначительнаго, но честно мыслящаго меньшинства. Возвращаясь снова къ неунывающему генералу Бобрикову, вспомнимъ нѣсколько словъ, сказанныхъ въ одномъ русскомъ повременномъ изданіи по поводу назначенія его генералъ-губернаторомъ Финляндіи: „великій памятникъ соорудитъ себѣ въ русской исторіи Н. И. Бобриковъ, если въ его управленіе сгладится и погаснетъ безъ остатка эта гнусная ненависть, раздуваемая, къ несчастью, здѣсь (въ Россіи) — недоразумѣніемъ(?), тамъ — недовѣріемъ и страхомъ. Достичь этого при доброй волѣ и вѣрномъ пониманіи русской идеи — совсѣмъ не трудно!“ — Прибывъ въ Финляндіи Бобриковъ во всеуслышаніе заявилъ собравшимся для представленія ему административнимъ лицамъ, что онъ любитъ только свободную и, въ тоже время, честную печать, но не лживую (слѣдовательно, по его мнѣнію выходитъ, что „Новое время“, Московскія Вѣдомости“ и „Свѣтъ“ — честная печать). Въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ своего пребыванія въ Финляндіи его успѣли окончательно изучить и можно съ увѣренностью сказать, что въ цѣлой Финляндіи не найдется человѣка, который вѣрилъ бы въ искренность и честность взглядовъ этого генерала.

Да, дѣятельность представителя Государя въ этомъ краѣ за минувшій годъ такъ обильна

всевозможнаго рода беззаконіями, что обрисовать ее полностью нѣтъ почти никакой возможности. Она обнимаетъ собою даже тѣ отрасли, которыхъ во всякомъ случаѣ не долженъ былъ касаться начальникъ края. Не гнушаясь мелкимъ шпіонствомъ, организованнымъ черезъ посредство извѣстнаго общеимперскаго вѣдомства, онъ изощрялся на всевозможныхъ другихъ способахъ, чтобы возбудить непріязнь къ Верховной власти, проходя при этомъ всѣ ступени омерзительныхъ мелкихъ преступленій, совершаемыхъ имъ и его прямыми приспѣшниками по возможности въ тайнѣ. Но искренная любовь и уваженіе финскаго народа къ своему верховному вождю вынуждало каждаго стремиться къ разоблаченіямъ преступныхъ дѣяній генерала Бобрикова. Какъ извѣстно, съ появленіемъ этого карьериста въ Финляндіи съ челядью, подобной ему самому, стали одинъ за другимъ слѣдовать возмутительные доносы на мирныхъ гражданъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ доносахъ не мѣшаетъ остановиться, чтобы уяснить себѣ истинныя поползновенія руссификатора, присланнаго въ Финляндію. Докладываютъ, что финны срывали со стѣнъ объявленія на русскомъ языкѣ о благотворительныхъ концертахъ, устраиваемыхъ русскимъ обществомъ. Бобриковъ приглашаетъ къ себѣ полиціймейстера и предлагаетъ разслѣдовать это дѣло и затѣмъ доложить ему

во всѣхъ подробностяхъ. Но оказалось, что полиціймейстеръ уже зналъ обо всемъ совершившемся, а также при какихъ обѣстоятельствахъ и кѣмъ вызванъ этотъ прискорбный случай. „Ваше Высокопревосходительство — доложилъ полиціймейстеръ — это сдѣлано воспитанниками Русской Гимназіи по указанію жандармовъ!“ Другой интересный случай: — на народномъ праздникѣ у памятника Александра II на русскаго солдата неожиданно напалъ финскій ратникъ. Полиція немедленно арестовала обоихъ и къ величайшему изумленію узнала, что эти господа были переодѣтые жандармы. Очевидно имѣлось въ виду, при отсутствіи наличныхъ фактовъ, прибѣгнуть къ подобнымъ безчестнымъ ухищреніямъ, чтобы обвинить финновъ въ явномъ надружелюбіи къ русскимъ. Бобрикову надо было имѣть возможно больше разныхъ фактовъ, набрасывающихъ извѣстную тѣнь подозрѣнія на населеніе Финляндіи и вотъ онъ прибѣгаетъ ко лжи, къ подлогу. Хотя дѣятельность русскихъ жандармовъ въ Финляндіи ознаменовалась безчисленнымъ множествомъ мелкихъ преступленій, но ихъ, т. е., конечно нижнихъ чиновъ, трудно винить, когда примѣромъ для нихъ служатъ г. г. офицеры и самъ „просвѣщенный“ генералъ-губернаторъ. Лично намъ пришлось быть свидѣтелемъ, когда офицеръ корпуса жандармовъ всѣми мѣрами уговаривалъ одного торговца совершить дѣй-

ствіе, караемое чрезвычайно строго и въ особенности въ настоящее время. Онъ даже силился убѣдить торговца, что въ этомъ дѣйствіи, собственно говоря, нѣтъ ничего беззаконнаго и обѣщалъ, наконецъ, что никто объ этомъ не узнаетъ, такъ какъ „вы, молъ, дѣлаете это лично для меня.“ Такихъ случаевъ цѣлыя тысячи. Однако всѣ подобные примѣры вызова финновъ на мелкія, повидимому, отступленія отъ корректной гражданской жизни, могли имѣть, по доносу тѣхъ же искусителей, весьма серьезныя послѣдствія. Между тѣмъ еще недавно былъ возбужденъ вопросъ объ усиленіи этого рода христолюбиваго воинства въ Финляндіи, которое и при настоящей своей численности успѣло въ теченіе одного года совершить столько преступленій, что пришлось бы исписать нѣсколько фоліантовъ, чтобы ихъ зарегистрировать. Характернымъ, въ нашъ вѣкъ, является единственный протестъ одного просвѣщеннаго сановника въ Государственномъ Совѣтѣ, когда читался докладъ о необходимости усилить въ Финляндіи корпусъ жандармовъ. Всѣ прочіе государственные мужи съ явнымъ недоброжелательствомъ слушали возраженія честнаго и просвѣщеннаго ихъ сотоварища по поводу сдѣланныхъ Пантелѣевымъ представленій. — Одинъ изъ всѣхъ... и гдѣ?... — Въ Государственномъ Совѣтѣ!.. Вспомнимъ попутно всѣмъ извѣстную исторію

съ собираніемъ подписей для контръ-адреса Государю, который долженъ былъ, по мнѣнію Бобрикова, служить противовѣсомъ первому адресу, поданному отъ всего населенія и имѣвшаго свыше 500,000 подписей. Вѣдь это цѣлое уголовное дѣло, въ которомъ роль руководителя игралъ генералъ-губернаторъ Бобриковъ. Тутъ все было пущенъ въ ходъ — и лесть и угроза, и коробейники и жандармы. Подписи собирались за 10 пенни (около 4 коп.) отъ полуграмотныхъ подростковъ и дѣтей, путемъ кражи писемъ и визитныхъ карточекъ съ дверей добывались имена и фамиліи. Но когда „просвѣщенному русскому генералу“ Бобрикову добытые результаты показались черезъ чуръ ничтожными, онъ распорядился навербовать особыхъ агентовъ и послалъ ихъ бродить по финскимъ деревнямъ въ Имперіи, гдѣ подъ разными предлогами и всевозможными предосудительными способами эти агенты генералъ-губернатора собрали еще нѣсколько тысячъ финскихъ фамилій. Многократныя и строгія разслѣдованія, надѣлавшей въ свое время много шума „Кюрэльской исторіи“, приводятъ къ полному убѣжденію, что финскія власти не оказывали противодѣйствія собиранію подписей для контръ-адреса. Не смотря на все это, было собрано столь ограниченное число подписей, что даже самоувѣренный и хвастливый Бобриковъ долженъ былъ съ

глубокимъ огорченіемъ и стыдомъ поднести своему Государю собственную ложь на блюдѣ лести, объяснивъ царю, что финляндскія власти противодѣйствовали желанію населенія покрыть подписями этомъ контръ-адресъ, вслѣдствіе чего будто бы только и возможно объяснить столь незначительное ихъ число на адресѣ. Можно смѣло утверждать, что благородное сердце Государя преисполнилось бы справедливымъ негодованіемъ, если бы только Онъ зналъ, какъ жестоко обманулъ и продолжаетъ всячески обманывать Его луковый генералъ Бобриковъ.

Зная сущность содержанія контръ-адреса, продиктованнаго тѣмъ же Бобриковымъ, нельзя было сомнѣваться, что его затѣя не могла встрѣтить сочувствія со стороны населенія Финляндіи. Дѣйствительно, развѣ нашелся бы въ этой странѣ хотя бы одинъ подданный Великаго Князя Финляндіи, будь онъ русскій, финнъ или шведъ, который согласился бы добровольно промѣнять мѣстные порядки на существующіе въ Россіи? Конечно нѣтъ! И это извѣстно Бобрикову быть можетъ даже лучше, чѣмъ кому другому. Но, тѣмъ не менѣе, изъ личныхъ своихъ разсчетовъ онъ предпочитаетъ обманывать Государя. Съ какимъ ожесточеніемъ напалъ онъ на губернатора Гриппенберга, признавшаго этотъ ложный адресъ незаконнымъ! Испугавшись, что истина можетъ

достигнуть трона, генералъ Бобриковъ принялъ всѣ мѣры, чтобы скрыть ее отъ царя и добился отрѣшенія отъ должности этого губернатора. Чего только не позволяетъ себѣ нынѣшній правитель края и его вѣрные союзники въ Петербургѣ!

Каждый день, одно за другимъ, слѣдуютъ все новыя нападенія на финляндскіе порядки, между тѣмъ, въ сущности говоря, они болѣе всего походятъ на прежнее, коллегіальное устройство временъ Петра I, которое такъ усердно восхваляется теперь разными ревнителями старой культуры. Это рвеніе къ старинѣ и стремленіе къ регрессированію, конечно не можетъ быть объяснимо иначе, какъ только желаніемъ извѣстнаго кружка лицъ сохранить за собою всѣ прерогативы власти и сдѣлать самодержца единственно отвѣтственнымъ лицомъ за всѣ ихъ ошибки и преступленія. Но если наружная оболочка правленія (за которою больше всего гоняются просвѣщенные русскіе сановники) временъ Петра I и походитъ на внѣшность существующаго правленія въ Финляндіи, то внутренняя организація и функціонированіе всѣхъ составныхъ частей сложнаго государственнаго механизма, представляютъ значительныя различія. Но это различіе, во всякомъ случаѣ, не можетъ безпокоить приверженцевъ русской старины и въ дѣйствительности должно радовать ихъ, если только эти господа способны

еще усвоить сущность самого дѣла и понять всю его цѣлесообразность. Къ сожалѣнію все скопище финляндскихъ недруговъ едва ли сознаетъ тотъ вредъ, который оно приноситъ Россіи, обрушиваясь на Финляндію. Даже руководители этого нелегальнаго собранія, едва ли въ состояніи отдать себѣ яснаго отчета въ своихъ поступкахъ и объяснить: на что, собственно говоря, они нападаютъ и что готовы защищать.

Въ настоящее время эти дѣльцы начали размѣниваться и вмѣшиваются во все, даже самое мелочное, наивно полагая, что этимъ они спасаютъ Россію и возстановляютъ ея престижъ.

Какими высоко государственными соображеніями занятъ неунывающій генералъ Бобриковъ показываетъ слѣдующій перечень разныхъ вопросовъ, надъ которыми надсаждалъ онъ свои силы.

Распредѣленіе въ школахъ дней, свободныхъ отъ занятій, — разрѣшеніе вопросовъ о кучерской одичедѣ и пріемѣ въ гостиницахъ путешественниковъ, — воспрещеніе безъ разрѣшенія генералъ-губернатора устраивать вполнѣ законныя лотереи и подписки, хотя бы даже съ благотворительной цѣлью, — воспрещеніе выселяться изъ страны и перепечатывать тексты Высочайшихъ манифестовъ и рескриптовъ, не исключая даже нѣкоторыхъ текстовъ изъ священнаго

писанія,— воспрещеніе ссылаться на нѣкоторые вполнѣ опредѣленно формулированные законы, — попытка воспретить военнымъ оркестрамъ исполнять нѣкоторыя музыкальныя произведенія и даже финскій народный гимнъ, при звукахъ котораго Русскіе Цари вставали, обнажая голову. Надъ всѣмъ этимъ больше всего и трудится генералъ Бобриковъ, стараясь по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнія раздражать финляндцевъ на каждомъ шагу. Малообразованные его приспѣшники, конечно, со свойственною имъ лакейской угодливостью, спѣшатъ изъ усердія прибавлять къ этому еще многое отъ себя. Но ихъ ретивость и неумѣстное во всемъ пересаливаніе, приносящія вмѣсто пользы одинъ только вредъ, — въ высшей мѣрѣ поощряются самимъ Бобриковымъ. Можно ли послѣ этого сомнѣваться въ неспособности этихъ неудачниковъ благоразумно разрѣшать болѣе важныя государственныя задачи? Вѣдь большая часть ихъ до сего времени вращалась только въ казармахъ, да канцеляріяхъ разныхъ штабовъ, откуда и вынесла много своеобразныхъ понятій, совершенно неприложимыхъ въ гражданской жизни народа. Это и сказалось въ чрезвычайно грубомъ, чтобы не сказать болѣе, обращеніи Бобрикова и его сподвижниковъ съ представителями гражданской власти въ Финляндіи и въ сосредоточенности ихъ вниманія преимущественно на мелочныхъ вопросахъ.

Но стоитъ ли говорить про этихъ самодуровъ, въ большинствѣ случаевъ только подражающихъ другимъ, когда даже болѣе вліятельная часть русскаго правительства, состоящая изъ временщиковъ — баловней судьбы, даетъ намъ лучшія доказательства испорченности нравовъ и всей глубины разврата въ области политической практики...

Въ виду этого, нѣтъ ничего удивительнаго, что генералъ Бобриковъ, при всей, повидимому, своей доступной любезности, отказываетъ въ пріемѣ мирной депутаціи, хотя, въ то же время, широко распахнулъ двери своего кабинета разнымъ доносчикамъ и другимъ лицамъ весьма подозрительной нравственности. Съ этими, только что упомянутыми, лицами неопредѣленныхъ профессій, генералъ-губернаторъ поддерживаетъ сношенія или лично, принимая и выспушивая ихъ, или черезъ своихъ друзей агентовъ, въ числѣ которыхъ состоялъ также проворовавшійся цензоръ Брандтъ — протежэ извѣстнаго всѣмъ изувѣра Мессароша.

Упомянувъ насчетъ агентовъ и разныхъ подозрительныхъ личностей, которыми окружаетъ себя генералъ Бобриковъ, нельзя не коснуться болѣе видныхъ дѣятелей, принимавшихъ участіе въ ложномъ освѣщеніи финляндскаго вопроса, или лицъ, всѣми мѣрами старавшихся возбудить ненависть къ финляндцамъ. Краткая біографія этихъ лич-

ностей, прямо или косвенно принимавшихъ участіе въ разгромѣ Финляндіи, опредѣлитъ отчасти чистоту замысловъ тѣхъ руководителей, которые пользовались услугами этой безнравственной челяди.

Много лѣтъ подрядъ, изо дня въ день, находилъ читатель въ страницахъ русской печати многострочныя статьи, посвященныя разбору „финляндскаго вопроса“. Каждый, просвѣщенный читатель, не могъ не замѣтить явной тенденціозности этихъ статей и той, непонятной, злобы, которою дышали всѣ строки, вышедшія изъ подъ пера сотрудниковъ псевдо-патріотической печати. Многіе изъ нихъ, упорно проповѣдуя идею подавленія и поглощенія подвластныхъ народовъ, успѣли стяжать себѣ громкую извѣстность.

Кто не знаетъ цензора Еленева, этого опытнаго клеветника, набросившагося съ пѣною у рта на финляндцевъ и ихъ порядки? Онъ дѣйствительно оправдалъ надежды, возлагаемыя на него свыше, а потому, по представленію благодарнаго начальства и былъ вознагражденъ по заслугамъ. Но что, собственно говоря, представляетъ собою весь его трудъ, какъ не сборникъ лжи, клеветы, доносовъ и грубыхъ издѣвательствъ надъ отдѣльными личностями и всѣмъ финскимъ народомъ.

Одна часть этого сборника, посвященная разсмотрѣнію основъ финляндской конституціи

могла бы еще представить кое какой интересъ, если бы аргументаціи, приводимыя имъ въ защиту своихъ тенденцій, не отличались голословностью и, притомъ, не вытекали изъ области вымысла. Остальная часть его труда, свидѣтельствующая лишь о нравственной непорядочности автора, конечно, не можетъ заслуживать вниманія. Въ виду только что сказаннаго, финляндскіе ученые, разсматривая лишь первую часть, на основаніи строго научныхъ данныхъ и общеизвѣстныхъ фактовъ доказали полную несостоятельность его ученія. Мы, съ своей стороны, можетъ къ этому прибавить, что совокупность крупныхъ недочетовъ — незнаніе предмета и преднамѣренная ложь — замѣчаемая въ его трудѣ не можетъ не набрасывать на личность этого автора извѣстную тѣнь, заставляющую относиться къ нему съ полнымъ предубѣжденіемъ.

Весьма подозрительною личностью, является генералъ Бородкинъ, усердно занимавшійся подливаніемъ масла въ огонь. Долгое время будучи еще военнымъ слѣдователемъ въ Гельсингфорсѣ посылалъ онъ свои лживыя корреспонденціи въ газеты „Новое Время“ и „Свѣтъ“, и этимъ, разумѣется, обратилъ на себя милостивое вниманіе полезныхъ ему лицъ. Дальше, польщенный успѣхомъ и постоянно поощряемый, онъ ретиво принялся за работу въ комиссіи, учрежденной для под-

готовленія къ введенію въ Финляндіи новаго положенія о воинской повинности и разсмотрѣнія воинскаго устава для финскихъ войскъ. Нѣсколько его статей въ юридическихъ изданіяхъ, написанныхъ безусловно по порученію начальства, были въ свое время разобраны профессоромъ Ивановскимъ, указавшимъ съ замѣчательною послѣдовательностью на всѣ умышленные и неумышленные недочеты, встрѣчавшіеся въ его статьяхъ и совершенно извращавшіе истинный смыслъ и значеніе обособленнаго положенія Финляндіи. Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что Бородкинъ съ нѣкотораго времени считаетъ полезнымъ для себя отказываться отъ тѣхъ статей, которыя были имъ подписаны „Абовъ“. Мы лично знаемъ нѣсколькихъ лицъ, которыхъ Бородкинъ увѣрялъ, что онъ и Абовъ ничего общаго между собою не имѣютъ и что Абовъ, будучи завзятымъ финнофобомъ, даже не пользуется его расположеніемъ.

Что же? И то хорошо, что подобные люди, какъ Бородкинъ, стыдятся самихъ себя. Это во всякомъ случаѣ доказываетъ насколько безправственны, по содержанію, были его статьи, если самому автору приходится краснѣть за нихъ. Между тѣмъ этотъ человѣкъ, метавшій грязью столько лѣтъ въ финскій народъ и самъ стыдящійся своихъ поступковъ, стремится теперь занять въ Финляндіи весьма отвѣтственный админи-

стративный постъ. Неужели у него хватитъ стыда и рѣшимости снова явиться въ Финляндію, или смотрѣть въ лицо тому, кого онъ такъ безчестилъ и поносилъ въ теченіе многихъ лѣтъ?

Обратимся, наконецъ, къ Мессарошу, этому подозрительному выходцу изъ Венгріи и болѣе смѣлому проповѣднику человѣконенавистничества. До появленія его статей о Финляндіи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Свѣтѣ“ онъ находился въ Харьковѣ, гдѣ занимался адвокатурой при Харьковскомъ окружномъ судѣ. Будучи исключенъ изъ состава присяжныхъ повѣренныхъ за безчестный проступокъ и гонимый поэтому всею, болѣе порядочною, частью городскаго населенія — онъ вынужденъ былъ покинуть Харьковъ и перебраться въ Сердоболь, гдѣ его женѣ принадлежало небольшое недвижимое имущество. Здѣсь, этотъ опозоренный дѣятель, сталъ собирать матеріалъ для своихъ статей, почуявъ возможность поправить свои дѣлишки, такъ какъ въ это время каждому, метавшему грязью въ Финлядію, нѣкоторые органы печати любезно предлагали мѣсто на своихъ столбцахъ и, конечно, соотвѣтствующій гонораръ. Мессарошъ, конечно, сразу сообразилъ насколько этотъ неопрятный трудъ могъ быть для него выгоденъ. Не заботясь о дальнѣйшей судьбы своего имени, такъ какъ въ глазахъ честныхъ людей, оно

было уже навсегда опозорено въ Харьковѣ онъ далъ полную волю своей нравственной разнузданности. Этимъ онъ сталъ особенно пріятенъ Грингмуту, издат. „Московскихъ Вѣдомостей“ и В. В. Комарову, издателю „Свѣта“. Вынужденный обстоятельствами промѣнять служеніе Ѳемидѣ на публицистическую дѣятельность онъ и тутъ зарекомендовалъ себя только съ отрицательной стороны. Какъ публицистъ, онъ также давно покончилъ съ собою, выступивъ проповѣдникомъ и идеи подавленія и поглощенія культурнаго народа и этимъ, въ глазахъ лучшаго элемента русской интеллигенціи, навсегда опозорилъ свое публицистическое перо. Съ этой минуты онъ началъ исключительно заниматься шпіонствомъ и доносами, которые и печаталъ въ соотвѣтствующихъ, для этого рода дѣятельности, органахъ русской печати. Его неутомимость и опытность въ темныхъ дѣлахъ расположили къ нему сердце Бобрикова. Призвавъ Мессароша въ Гельсингфорсъ потрудиться во славу Россіи, онъ обласкалъ его и принялъ подъ свою защиту, когда финляндцы ополчились противъ этого негодяя, имѣвшаго дерзость хлопотать объ освобожденіи проворовавшагося цензора Брандта, съ которымъ Мессарошъ состоялъ въ большой дружбѣ и перепискѣ по финляндскимъ дѣламъ. Обыскъ въ квартирѣ арестованнаго Брандта, обнаружилъ, благодаря найденному письму

Мессароша, всю низость и преступность ихъ совмѣстной дѣятельности. Между тѣмъ Мессарошъ былъ въ Гельсингфорсѣ во время засѣданія чрезвычайнаго сейма въ качествѣ представителя русской печати. Казалось послѣ всего происшедшаго съ русскимъ публицистомъ слѣдовало немедленно удалить его изъ Гельсингфорса. Но Бобриковъ разсудилъ иначе. Когда же сами финляндцы взялись за это дѣло, гоня безчестнаго публициста изъ предѣловъ своей страны, Бобриковъ пришелъ въ ярость и протянувъ свою руку этому негодяю, помѣстилъ его въ офицерскомъ собраніи, гдѣ онъ и былъ принятъ какъ свой, какъ собратъ равный по взглядамъ и убѣжденіямъ. Стоитъ замѣтить, что „Свѣтъ“ и „Московскія Вѣдомости“ провозгласили его мученикомъ правды и истиннымъ борцомъ за поруганную честь Россіи. Не стыдъ ли это для самой Россіи и ея печати, не обуздавшихъ своевременно эту темную силу, позорящую на каждомъ шагу все, что носитъ свѣтлый обликъ и имѣетъ право на уваженіе къ себѣ? Мы вполнѣ понимаемъ причину, почему свѣтлая русская печать относилась сдержанно къ лицамъ, подобнымъ Мессарошу и къ той части печати, которая, такъ или иначе, безчеститъ русскую мысль. Но мы не можемъ, въ то же время, не замѣтить, что вредъ, проистекающій отъ этого настолько

великъ, что интересы не только Финляндіи, о защитѣ которой мы не рѣшаемся даже безпокоить русскую печать, но и самой Россіи и ея добраго народа, требуютъ скорѣйшаго обузданія шакаловъ русской печати.

Въ послѣднее время, вслѣдъ за вышеприведенными проповѣдниками насилія, поспѣшаетъ во всю прыть вновь навербованная братія изъ тѣхъ же, имъ подобныхъ, лицъ. Вспомнимъ дѣятельность В. Гольмстрема на страницахъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“, опорочившую его публицистическую репутацію и его полную неудачу въ судѣ чести при союзѣ русскихъ писателей, о которой почему то, сообщалось только въ шведскихъ газетахъ. Вспомнимъ анонимныя статьи подполковника Зейна въ „Новомъ Времени“, насквозь пропитанныя ложью и его курьезныя лекціи въ Гельсингфорскомъ военномъ собраніи о политическомъ положеніи Финляндіи. Возьмемъ его статьи въ „Финляндской газетѣ“: — вездѣ, отъ начала до конца, клевета и ложь! И все это пишетъ офицеръ генеральнаго штаба, котораго одинъ мундиръ уже долженъ удерживать въ извѣстныхъ рамкахъ приличія и этики. Наконецъ, вспомнимъ статьи ничтожнаго С. Кароленка въ „Новомъ Времени“, пытавшагося, какъ „крыловскій оселъ“, испробовать свои копыта на почвѣ финляндской торговли и промышленности.

Мало того, что вся, эта наемная, банда представляетъ собою полную бездарность, при полной нравственной разнузданности — она, кромѣ того, назамѣтно вноситъ растлѣніе въ нашу жизнь и колеблетъ до основанія правовой порядокъ. Эти люди — тѣ же черви, подтачивающіе изо дня съ день здоровые корни и обращающіе здоровое дерево въ гниль, послѣ чего оно неминуемо должно рухнуть. Борьба съ ними необходима въ виду ихъ страшной плодовитости. Нельзя терять времени только на пустое созерцаніе ихъ растлѣвающей дѣятельности. Необходимо своевременно принять соотвѣтствующія мѣры, чтобы задавить ихъ и тѣмъ спасти многое, чего не успѣла еще коснуться эта все разрушающая сила.

Перейдемъ теперь къ издателямъ тѣхъ органовъ, которые старались всѣми мѣрами, и въ продолженіе столькихъ лѣтъ, поносить финляндцевъ и возстановлять противъ нихъ общественное мнѣніе въ Россіи. Начнемъ съ Виссаріона Комарова. Насколько намъ извѣстно, онъ еще до сихъ поръ не опровергнулъ тѣ обвиненія, которыя были предъявлены къ нему по поводу исчезновенія денежной кассы въ бытность его начальникомъ штаба сербскихъ войскъ. Это темное дѣло за давностью лѣтъ успѣло порости быльемъ; но, какъ бы то ни было, извѣстная тѣнь подозрѣнія, наброшенная на В. Комарова,

по всей вѣроятности, имѣла свои основанія. Спекулятивная дѣятельность этого бывшаго начальника штаба сербскихъ войскъ имѣла также весьма много темныхъ сторонъ и даже его „кабинетъ для чтенія“, съ которымъ мы имѣли случай ознакомиться, носилъ весьма подозрительный характеръ уже съ самаго начала его перехода въ руки В. Комарова. Что, собственно говоря, представляетъ и представляла собою его газета „Свѣтъ“, то объ этомъ нечего даже говорить. Напечатанная въ послѣдніе мѣсяцы, почти во всѣхъ газетахъ, исповѣдь Гейнце и замѣтки по этому поводу „С. П. Б. Вѣдомостей“ достаточно опредѣляютъ намъ всю низость души этого издателя, о которомъ вспоминаешь съ истиннымъ отвращеніемъ. Онъ даже не обидѣлся на „С. П. Б. Вѣдомости“ и по привычкѣ, разумѣется, принялъ эту пощечину, какъ нѣчто вполнѣ обыкновенное и для него малозначущее. Не мудрено, что въ такомъ органѣ (какъ газета „Свѣтъ“, издаваемая вполнѣ непорядочнымъ человѣкомъ) сотрудничаютъ и входятъ въ составъ редакціи такіе люди, какъ Гейнце — выдававшій чужія литературныя произведенія за свои, Стечькинъ — отсидѣвшій двѣ недѣли въ тюрьмѣ за клевету противъ цѣлаго учрежденія, Мессарошъ — извѣстная всѣмъ темная личность, Бородкинъ и много другихъ безнравственныхъ личностей. Между тѣмъ эта газета имѣетъ

около 70,000 подписчиковъ. Какую духовную пищу могутъ дать этимъ несчастнымъ читателямъ В. Комаровъ и его помощники? Они лишь растлѣваютъ исподволь этотъ бѣдный классъ, который болѣе, чѣмъ другіе, нуждается въ здоровой духовной пищѣ и чистомъ духовномъ воздухѣ. Суровая жизни бѣдняка представляетъ на каждомъ шагу столько соблазновъ и трудностей, что успѣшное преодолѣваніе ихъ возможно лишь при условіи сохраненія въ чистотѣ нравственныхъ идеаловъ. А каковы нравственные идеалы сотрудниковъ „Свѣта“?... Объ этомъ всемъ не стоило бы говорить, если бы газета „Свѣтъ“ не имѣла такую огромную аудиторію и, притомъ, изъ такихъ лицъ, которымъ, въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ, трудно узнать истинныя побужденія этого развращающаго органа. Рядомъ съ этой газетой стоятъ „Московскія Вѣдомости“ съ Грингмутомъ во главѣ. Къ счастью этотъ органъ настолько уже зарекомендовалъ себя съ отрицательной стороны, что вмѣсто 40 000 подписчиковъ при Катковѣ, имѣетъ теперь всего лишь 5000 (которымъ онъ очевидно все еще приходится по душѣ). Плеяда сотрудниковъ, окружающая спекулянта Грингмута, исповѣдуетъ тѣ же нравственные принципы, какъ и сотрудники „Свѣта“. Поэтому между ними нѣтъ различія въ направленіи и тѣхъ цѣляхъ, которыя они совмѣстно преслѣдуютъ. Къ

этимъ газетамъ слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько другихъ изданій, но они такъ ничтожны во всѣхъ отношеніяхъ, что на нихъ не стоитъ останавливаться.

Другое дѣло — „Новое Время“. — Благодаря блестящему матеріальному положенію этого органа, Суворинъ имѣетъ возможность привлекать къ сотрудничеству самыя крупныя литературныя силы. Кромѣ того, расходясь въ огромномъ количествѣ, этотъ органъ имѣетъ возможность проводить свои взгляды съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ другія газеты. Нѣтъ сомнѣнія также, что этотъ органъ самый вліятельный въ Россіи и къ нему прислушивается почти вся русская интеллигенція. Однако изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, что этотъ органъ пользуется хорошей репутаціей въ глазахъ лучшей части русской интеллигенціи. Напротивъ, въ послѣднее время и печать и отдѣльныя личности относятся къ нему съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ, что особенно ярко выразилось послѣ прошлогодней студенческой исторіи. Въ Финляндскомъ вопросѣ „Новое Время“ всегда отличалось особою нетерпимостью ко всему, что имѣло близкое или сочувственное отношеніе къ финляндцамъ. Надо, кромѣ того, замѣтить, что писавшіе про Финляндію въ „Новомъ Времени“ или умышленно искажали истину, или же дѣлали это благодаря своему крайнему невѣжеству. Послѣднее десяти-

лѣтіе „Новое Время“ занималось исключительно травлей финскаго народа, причемъ дошло до такого цинизма, что финляндская печать перестала даже отвѣчать на ея статьи. Въ прошломъ году, вскорѣ послѣ студенческой исторіи, надѣлавшей столько шума, Суворинъ въ своей газетѣ пожелалъ преподать нѣсколько совѣтовъ финляндцамъ и, противъ своего обыкновенія, запѣлъ сладкимъ голоскомъ о любви, о братствѣ, о человѣколюбіи. Это послѣ всего, что онъ осмѣливался раньше, въ теченіе десяти лѣтъ, говорить о Финляндіи! Его заигриваніе можно было объяснить только тѣмъ, что позволивъ себѣ возмутительную выходку противъ цвѣта русской молодежи и поплатившись какъ слѣдуетъ (Суворинъ, никакъ не ожидалъ встрѣтить дружный отпоръ со стороны просвѣщеннаго общества, принесшій ему столько горькихъ минутъ а потому, не на шутку испугался за участь своей газеты), онъ смягчилъ тонъ газети, какъ старая опытная лиса завилялъ хвостомъ даже передъ финляндцами. На его старанія никто въ Финляндіи не обратилъ вниманія. Въ сердцѣ финляндцевъ онъ всегда найдетъ для себя только одно презрѣніе. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ „Новое Время“, по отношенію къ Финляндіи, изощрялось на своихъ столбцахъ въ безпримѣрной наглости, лжи и клеветѣ. Когда же устои этого органа, потрясенныя постояннымъ шатаніемъ въ раз-

ныя стороны и неожиданнымъ, для Суворина, ударомъ, нанесеннымъ лучшими элементами общества, готовы были дать трещины — этотъ лицемѣръ мгновенно перемѣнилъ направленіе. Подколодной змѣей подползъ онъ также къ финскому народу и сладко запѣлъ о человѣколюбіи, о братствѣ и долгѣ, навязывая ему свое сердечное участіе. Имѣлъ ли право онъ говорить такимъ языкомъ съ народомъ, котораго онъ унижалъ и безчестилъ столько лѣтъ? Смѣлъ ли онъ утверждать, что „финляндскіе политики и Финляндія не одно и то же“, послѣ того, какъ самъ переносилъ всю тяжесть своихъ обвиненій на всю націю? По истинѣ возмутительнымъ является слѣдующее заявленіе этого органа: „ничто кромѣ несчастій и бѣдствій не можетъ дать Финляндіи искусственно навязанная ей вражда къ Россіи“. — Это ложь! — Вражду финскаго народа къ Россіи создало болѣзненное воображеніе „Новаго Времени“, также какъ раздраженіе финляндской печати вызвано, главнымъ образомъ, тѣмъ же „Новымъ Временемъ“. Далѣе этотъ органъ заявилъ, что считаетъ „прежде всего долгомъ человѣколюбія и братства по отношенію къ Финляндіи предостеречь ее отъ опасной игры, которую затѣяли ея неразумные политики“... Предостереженіе высказываемое въ этомъ духѣ финскому народу — есть уже оскорбленіе его. Вѣрность этого народа доказана не на

словахъ, но на дѣлѣ въ теченіе девятидесятилѣтняго его пребыванія подъ русскимъ скипетромъ. Поэтому финскій народъ не нуждается въ совѣтахъ такой продажной газеты, какъ „Новое Время“, отъ которой все, болѣе порядочное, давно уже отшатнулось. Пусть же эта газета останется тѣмъ, чѣмъ она была всегда и никогда впредь не обмолвится добрымъ словомъ о Финляндіи и ея народѣ, которому лицемѣріе ея и продажность противны, а потому всякая похвала ему или сочувствіе, выраженныя на ея столбцахъ — оскорбительны.

Все что было сказано нами о незначительной части русской печати, упорно проповѣдующей примѣненіе въ финляндскихъ дѣлахъ принципа насилія, а также о тѣхъ дѣятеляхъ, которые съ полною готовностью и большимъ усердіемъ долгое время клеветали на финскій народъ не только съ согласія, но даже по порученію русской власти — все это, говоримъ мы, несомнѣнно показываетъ, что правда находится на сторонѣ финляндцевъ. Дѣйствительно: — чѣмъ другимъ — какъ не однимъ только желаніемъ русскаго правительства во что бы то ни стало ввести новые порядки въ Финляндіи и, притомъ, незаконнымъ путемъ — можно объяснить, почему распространеніе о Финляндіи завѣдомо ложныхъ слуховъ и оригинальная защита русскихъ интересовъ были поручены самымъ

послѣднимъ отбросамъ русской интеллигенціи. Правое дѣло не нуждалось бы въ защитѣ такихъ лицъ, какъ Мессарошъ, Бородкинъ, Еленевъ, Комаровъ, Грингмутъ и проч., такъ какъ отстоять честное дѣло разумѣется, взялись бы только честные люди. Но защищать гнустное дѣло, на которое честный человѣкъ не пойдетъ, могутъ только вышеназванныя лица. Вѣдь порядочными людьми ихъ никто не назоветъ? Въ виду того, однако, чтобы дѣйствительно нельзя было по ошибкѣ признать кого нибудь изъ указанныхъ нами дѣятелей за вполнѣ порядочнаго человѣка, мы привели выше только краткія о нихъ свѣдѣнія, надѣясь въ скоромъ будущемъ доказать на основаніи документовъ, что имѣемъ полное основаніе причислять ихъ къ разряду непорядочныхъ. Сдѣлаемъ это съ единственной цѣлью, чтобы показать наконецъ русскому обществу, кто морочилъ его въ теченіе столькихъ лѣтъ.

Въ Январѣ мѣсяцѣ 1900 г. незначительный лагерь антифинляндской русской печати былъ осчастливленъ появленіемъ на свѣтъ Божій новаго органа окрещеннаго Бробриковымъ и Ко. „Финляндской Газетой“. Особенно радовался этому скбытію „Свѣтъ“. Его издатель, Виссаріонъ Комаровъ въ припадкѣ умиленія, со слезами на глазахъ, давалъ торжественныя клятвы не покидать новорожденнаго и въ теченіе всей жизни служить

ему путеводной звѣздой. Онъ же пристроилъ нянькой къ этому, далеко не чужому ему, дѣтищу, нѣкоего мужа Баженова, доселѣ занимавшаго мѣсто секретаря въ газетѣ „Свѣтъ“. Малоопрятный младенецъ оказался въ скоромъ времени, кромѣ того, еще большимъ негодямъ, что особенно радовало Виссаріонъ Комарова, Мессароша и прочихъ неизмѣнныхъ его собутыльниковъ. Бобриковъ только ухмылялся, да потиралъ отъ удовольствія руки. Теперь онъ могъ говорить все, что ему только будетъ угодно.

Спустя мѣсяцъ Бобриковъ совершенно освоился съ новымъ дѣломъ и „Финляндская Газета“ стала исключительно проводить его личные взгляды. Можно себѣ представить, поэтому, какое освѣщеніе получили всѣ мѣстные вопросы на страницахъ этой газеты — приказа. Извѣстный „торпарскій вопросъ“, разобранный на столбцахъ этой „кляузницы“ принялъ совершенно иныя формы и окраску. Бобриковъ, вооружившись казенной шваброй, такъ усердно размазалъ его всего густымъ растворомъ дешевой сажи, что онъ сталъ совершенно неузнаваемъ. Въ такомъ ужасномъ видѣ поднесъ онъ его читателю. Между тѣмъ вся продажная печать, согласно сдѣланному заранѣе уговору, подняла вопль и обрушилась на правящіе классы въ Финляндіи утверждая что они, угнетаютъ финскій народъ.

Усиленная эмиграція изъ Финляндіи и притомъ лучшей рабочей силы, вслѣдствіе незаконнаго введенія новыхъ положеній о воинской повинности, была также объяснена совершенно ложно этой газетой, причемъ Бобриковъ, чтобы скрыть истину, старательно подтасовывалъ факты и цифры. Но мы, въ виду полнаго ничтожества этой газеты и явной ея непорядочности, не станемъ останавливать и утруждать вниманіе читателя на разборѣ помѣщенныхъ въ ней статей. Прибавимъ только, что Бобриковъ силою добился ассигнованія изъ финляндской казны необходимыхъ суммъ для изданія этой газеты, вся дѣятельность которой направлена противъ интересовъ финскаго народа. Однако суммы отпускаемыя на содержаніе этого вреднаго органа весьма солидны, а именно: на устройство типографіи взято изъ кармана бѣднаго финскаго народа 30,000 мар., да, ежегодно изъ того же кармана будутъ силою брать еще 30,000 въ видѣ субсидіи для поддержанія Бобриковской „кляузницы“. Въ 10 лѣтъ это составитъ сумму въ 300,000 марокъ, которая могла бы принести огромную пользу бѣдному населенію и хотя бы даже тѣмъ безземельнымъ о которыхъ Бобриковъ и Ко. стирались такъ много говорить. Но эта газета не можетъ имѣть даже одну тысячу подписчиковъ въ виду распространенія ею завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о Финляндіи.

Охотниковъ имѣть ее у себя на столѣ столь незначительное число, что она никакимъ образомъ не могла бы существовать безъ субсидіи. Но намъ думается, что въ подобномъ случаѣ было бы куда умѣстнѣе получать средства изъ Россіи и не посягать на трудовыя деньги финскаго народа, у котораго эта газета хлопочетъ отнять всѣ права, освященныя вѣками и признанныя пятью монархами.

Перейдемъ теперь къ финляндской печати и отношенію къ ней генерала Бобрикова. Убѣдившись на дѣлѣ, что неподкупная финляндская печать представляла собою огромную силу, не дававшую возможность Бобрикову безконтрольно хозяйничать въ Финляндіи — онъ задумалъ, разъ навсегда, отдѣлаться отъ нея, примѣнивъ къ ней устарѣлые „драконовскіе“ законы. Все, что осмѣливалось говорить открыто о беззаконіяхъ этого преступнаго генерала, должно было подвергаться карѣ. Для этой цѣли образовалъ онъ особый цензурный комитетъ и въ качествѣ управляющаго по дѣламъ финляндской печати назначилъ графа Кронгіельма, который за русское золото согласился предать Финляндію.

Семья не безъ урода, говоритъ пословица. Такимъ уродомъ въ Финляндіи является графъ Кронгіельмъ, бывшій учитель русскаго языка. Какіе разсчеты заставили этого несчастнаго

старика вступить въ преступную политическую связь съ Бобриковымъ — мы не будемъ говорить здѣсь. Упомянемъ только, что этотъ Іуда-предатель приложилъ всѣ свои силы, чтобы заглушить свободное слово.

Стоило только какой нибудь газетѣ напечатать рѣчь, сказанную кѣмъ нибудь по случаю торжества съ упоминаніемъ въ ней о современномъ печальномъ положеніи Финляндіи — Бобриковъ, по представленію управляющаго по дѣламъ печати, посылалъ немедленно предостереженіе газетѣ или смѣщалъ ея редактора. Въ теченіе двадцатимѣсячнаго пребыванія Бобрикова въ Финляндіи, были прекращены навсегда нѣсколько газетъ, а число предостереженій посланныхъ имъ и число газетъ ожидающихъ скораго прекращенія изданія по милости русскаго генерала — трудно даже перечесть. Ничего подобнаго не бывало даже съ русской печатью. Въ послѣднее время Бобриковъ и Министръ Плеве добились прекращенія самой большой и лучшей газеты въ Финляндіи — „Nya Pressen“, которая не щадила ихъ и по мѣрѣ силъ и возможности указывала на всѣ ихъ беззаконія. Въ теченіе 17 лѣтъ издавалъ эту газету докторъ Аксель Лилле и ни разу не уклонился отъ пути и направленія, принятаго имъ въ самомъ началѣ.

Знамя его газеты привлекало къ себѣ всѣхъ честныхъ мыслителей и защитниковъ

страны, а потому кара, постигшая газету, не исключаетъ возможность вновь поднятія ея честнаго знамени, которое осталось еще въ рукахъ Лилле и которое Бобрикову не удастся у него вырвать. Подъ этимъ знаменемъ соберется все лучшее въ Финляндіи, чтобы продолжать прежнюю работу на пользу родинѣ, уличая генерала Бобриковавъ преступныхъ замыслахъ и дѣяніяхъ. Не только въ Финляндіи, но и за границей, прекращеніе изданія „Nya Pressen“ вызвало рѣзкое порицаніе Бобрикова и Плеве.

Въ видѣ курьеза, достаточно характеризующаго взгляды строеваго генерала Бобрикова на общественную жизнь, приводимъ здѣсь нѣсколько словъ о его дѣятельности, направленной къ уничтоженію всѣхъ газетъ въ Финляндіи съ замѣною ихъ восемью оффиціальными губернскими вѣдомостями.

Этотъ воинственно настроенный генаралъ послалъ циркуляры во всѣ городскіе магистраты съ предложеніемъ дать заключеніе по поводу намѣренія его ввести въ Финляндіи восемь губернскихъ газетъ. Ему очевидно хотѣлось имѣть въ Финляндіи только оффиціальныя изданія. — Вѣдь, право, становится стыдно за такого администратора.... Конечно всѣ заключенія полученныя имъ были, собственно говоря, злою насмѣшкой надъ его фантазіей и солдатскимъ усердіемъ. Вотъ ужъ именно: — пустили козла въ ого-

родъ, а онъ и „радъ стараться“ — давай безъ разбору все портить и разрушать, благо не свое. Даже въ Россіи всѣ открещиваются отъ губернскихъ изданій и энергично требуютъ закрытія навсегда этихъ ненужныхъ никому газетъ. А Бобриковъ, насквозь пропитанный духомъ канцелярщины, конечно не можетъ понять — почему бы не быть въ Финляндіи губернскимъ газетамъ... Когда то выведутся, наконецъ, въ Россіи не по разуму усердные генералы?... Но достигнетъ ли, въ концѣ концовъ, Бобриковъ хорошихъ результатовъ, обрушиваясь на Финляндскую печать? Намъ кажется, что нѣтъ. Тѣмъ или другимъ, способомъ финляндцы добьются того, что все противозаконное, всплыветъ наружу и скоро станетъ извѣстнымъ не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ. Неужели генералъ Бобриковъ не подумалъ объ этомъ?

Преслѣдуя съ особенною настойчивостью печать, Бобриковъ лишилъ уже многихъ честныхъ тружениковъ куска хлѣба и тѣмъ конечно перенесъ свою злобу на невинныхъ лицъ, не причастныхъ къ дѣлу. Между тѣмъ онъ же старался разыграть изъ себя сердобольнаго администратора и предлагалъ изъ штрафныхъ денегъ незначительныя вспоможенія отъ которыхъ, впрочемъ, отказывались даже самые бѣдные, такъ какъ эта помощь предлагалась нечистою рукой Бобрикова. Такъ онъ и остался съ протянутой рукой. Осмѣ-

янный бѣдняками, отказавшимися отъ унизительной подачки, онъ все же продолжалъ стоять на ихъ сторонѣ, стараясь распространять въ печати нелѣпые слухи, будто бѣднѣйшій классъ въ Финляндіи находится въ угнетенномъ положеніи. Во всемъ конечно онъ винилъ шведское населеніе Финляндіи. Благодаря его настояніямъ и отчасти установившемуся согласію, между нимъ и министромъ статсъ-секретаремъ Финляндіи Плеве — этого извѣстнаго руссофила, бывшаго, кромѣ того, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ начальникомъ департамента тайной полиціи — стали появляться въ русской печати соотвѣтствующія ихъ взглядамъ статьи, вышедшія изъ подъ пера новыхъ наемниковъ. Эти послѣдніе принялись съ особеннымъ усердіемъ восхвалять мудрость русскаго правительства, своевременно пришедшаго на помощь торпарямъ. Эти борзописцы старались бросать возможно больше грязи въ состоятельные классы Финляндіи. Но непрошенная защита какихъ то подозрительныхъ личностей вызвало только удивленіе въ самихъ торпаряхъ и бѣднѣйшихъ классахъ. Они сразу поняли, почему Бобрикову и Ко. надо было стать на ихъ сторону и, конечно, вмѣсто благодарности, открещивались отъ всѣхъ ихъ благодѣяній.

Съ какимъ недовѣріемъ и предубѣжденіемъ относится народъ къ нововведеніямъ Бобрикова показываетъ адресъ, поданный

7/20 Апрѣля 1900 года генералъ-губернатору отъ торпарей и бѣднѣйшихъ крестьянъ Тавастгусской губерніи. Между тѣмъ это именно тотъ самый классъ населенія о которомъ лицемѣрно заботился Бобриковъ. Онъ увѣрилъ Государя, что, этотъ бѣднѣйшій классъ Финляндіи будучи угнетаемъ шведскимъ населеніемъ встрѣтилъ съ восторгомъ благія начинанія, Великаго Князя, которыя внушаютъ ему довѣріе и надежду стать наконецъ полноправными гражданами въ своей родинѣ. Насколько льстивыя увѣренія Бобрикова, вообще, согласны съ дѣйствительностью показываетъ адресъ торпарей, который мы въ сжатомъ видѣ приводимъ здѣсь.

Крестьяне взываютъ къ справедливости генералъ-губернатора и просятъ не хлѣба насущнаго, но чтобы онъ былъ охранителемъ законовъ. Напоминая ему, что измѣненіе законовъ должно идти вполнѣ законнымъ путемъ они заявляютъ, что въ противномъ случаѣ является сомнѣніе въ прочности всѣхъ устоевъ общественнаго зданія. Они просятъ его вернуть всѣ газеты и впредь не закрывать эти окна въ ихъ зданіи.

Топарскій адресъ прямо указываетъ на истинныя причины непомѣрно усилившейся эмиграціи, которыя, какъ и слѣдоваго ожидать, заключаются въ нарушеніемъ основныхъ законовъ Финляндіи. Генералъ - губернаторъ Бобриковъ сильно разгнѣвался на эту де-

путацію и отказался принять ее. Еще бы! Вѣдь правда колетъ глаза!

А ему пришлось бы многое выслушать именно отъ этой депутаціи изъ представителей бѣднѣйшаго класса Финляндіи. Вѣдь ради этого класса населенія Бобриковъ такъ усиленно хлопоталъ вездѣ и докладывалъ Государю насчетъ его полнаго безправія!

И такъ вмѣсто того, чтобы видѣть въ Бобриковѣ своего защитника, бѣднѣйшій классъ населенія Финляндіи, скорѣй признаетъ въ немъ своего врага. Онъ убѣдился уже, что Бобриковъ губитъ и отнимаетъ все, что болѣе драгоцѣнно для человѣчества и безъ чего жизнь не только народа, но и каждаго отдѣльнаго лица станетъ тягостной и почти безцѣльной. Онъ знаетъ по опыту, что Бобриковъ ни передъ чѣмъ не остановится и будетъ всегда проводить въ жизнь принципы насилія, совершенно не согласные съ міровоззрѣніемъ финскаго народа. Но что же можетъ ожидать этотъ скромный народъ въ ближайшемъ будущемъ, когда вмѣсто одного Бобрикова и небольшой шайки, окружающей его, нагрянутъ въ Финляндіи тысячи ему подобныхъ, тѣсно сплоченныхъ между собою преступниковъ? Что ожидаетъ всю Финляндію, когда въ ней водворится вполнѣ организованная банда, во главѣ которой станутъ опытныя лица, проникнутыя глубочайшимъ цинизмомъ и вся предшествующая дѣятель-

ность которыхъ была основана только на насиліи и обманѣ? Неужели этому народу можетъ улыбаться перспектива очутиться въ полномъ безправномъ положеніи, въ которомъ до сихъ поръ находится темный и добрый русскій народъ? Финны знаютъ, что при отсутствіи равноправности и одинаковой отвѣтственности каждаго передъ русскими законами — въ Россіи, можетъ быть болѣе, чѣмъ въ какой нибудь другой странѣ, разные темные предводители безнравственнаго меньшинства являются истиннымъ бичомъ своего народа.

Они убѣждаются ежечасно и на дѣлѣ, что эти руководители вполнѣ узаконенныхъ шаекъ, преслѣдуютъ самыя низкія цѣли, растлѣвая систематически, изо дня въ день, невѣжественный и безотвѣтный народъ. Разрушая исподволь все, что созидалось вѣками и подкапывая незамѣтно главнѣйшіе устои государства, они яростно набрасываются на все честное и порядочное, осыпая грубой бранью и насмѣшками всѣхъ истинныхъ друзей родины и борцовъ противъ произвола и мрака. Доводя свой народъ до полнаго нравственнаго оскудѣнія и связавъ правосудіе по рукамъ и ногамъ, они, такимъ образомъ, съ безопасностью для себя угнетаютъ русскій народъ, высасывая изъ него лучшіе соки.

Усыпляя верховную власть утонченною лестью и съ намѣреніемъ скрывая отъ нея

истинныя нужды народа и размѣры постигавшихъ его бѣдствій, они, одновременно, своими беззаконіями и преслѣдованіемъ только личныхъ выгодъ, приведутъ страну къ полному истощенію всѣхъ ея силъ, послѣ чего огромный и сложный механизмъ государства придетъ въ негодность и долженъ будетъ неминуемо остановиться.

Нѣтъ, такая печальная дѣйствительность, замѣчаемая въ Россіи вовсе не прельщаетъ финскій народъ и онъ приложитъ всѣ свои усилія, чтобы правдивымъ своимъ словомъ отстоять то, что принадлежало ему по праву и на что обрушилась теперь преступная банда.

Заставить финляндцевъ принять новые порядки, осмѣиваемые даже въ самой Россіи и отнятіе ихъ прежняго правоваго порядка, означало бы вѣроломное ограбленіе культурнаго народа и наложеніе на него безъ всякаго повода и права самаго тяжкаго наказанія.

Продолжительное, болѣе чѣмъ девятидесятилѣтнее, пребываніе Финляндіи подъ скипетромъ русскихъ государей, казалось, давно уже должно было убѣдить всѣхъ мыслящихъ русскихъ людей въ полной лояльности финскаго народа по отношенію къ Россіи и ея верховнымъ вождямъ. Казалось бы также, что въ теченіе этого значительнаго промежутка времени, не должно было ускользнуть отъ вниманія русскихъ людей

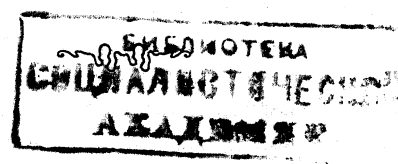
упорное прослѣдованіе финскимъ народомъ почти единственной въ его жизни цѣли вся сущность которой, какъ прежде, такъ и теперь, заключается только въ неустанномъ стремленіи къ свѣту и къ повсемѣстному, въ предѣлахъ Финляндіи, распространенію культурности. Финляндцы глубоко убѣждены, что лучшіе элементы русскаго общества въ противоположность распространяемому органами ультра-націоналистической печати и злорадствующими псевдо-патріотами ложному ученію о финляндскомъ сепаратизмѣ — усматриваютъ въ стремленіяхъ финскаго народа совершенно другія цѣли, не имѣющія ничего общаго съ желаніемъ отдѣлиться отъ Россіи. Лучшій цвѣтъ русской интеллигенціи не можетъ не сознавать, что свобода, равноправность, неприкосновенность личности, гласность печати, уваженіе къ законамъ и прочія блага цивилизаціи и прогресса суть главнѣйшіе устои правоваго порядка въ благоустроенномъ государствѣ, безъ которыхъ немыслимо было бы культурное существованіе народовъ, входящихъ въ его предѣлы. Въ виду этого едва ли можно сомнѣваться, что эти элементы русскаго интеллигентнаго общества, относится съ полнымъ негодованіемъ къ той части русской печати и къ тѣмъ дѣятелямъ, которые осмѣливаются безпричинно унижать и оскорблять достоинство финскаго народа. Каждый, хоть немного

освѣдомленный съ современнымъ положеніемъ вещей въ Финляндіи, не можетъ не видѣть всей нелѣпости и беззаконности введенія въ этой странѣ новыхъ порядковъ, противорѣчащихъ всѣмъ началамъ ея конституціи. Таковое произвольное обращеніе русскихъ временщиковъ съ финляндскими основными законами является прямымъ нарушеніемъ правоваго порядка этой страны, подтвержденнаго пятью монархами и безцеремоннымъ, насильственнымъ вторженіемъ въ жизнь финскаго народа. Какъ бы ни старались разные клеветники и приспѣшники русской власти по своему объяснятъ манифестъ Александра I — все же его клятвенное обѣщаніе за себя и наслѣдниковъ своихъ о святомъ сохраненіи на вѣчныя времена конституціи Финляндіи, останется всегда въ силѣ, и въ глазахъ всѣхъ честныхъ людей, не можетъ быть нарушено. То что было заявлено передъ лицомъ всего міра нельзя по прихоти и въ любую минуту уничтожить однимъ расчеркомъ пера. — **„Таковыми мѣрами оказавъ наше доброе расположеніе, которое имѣли и впредь будемъ имѣть къ финляндскимъ вѣрноподданнымъ нашимъ, надѣемся мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ Державою Нашею и наслѣдниковъ**

Нашихъ.“ Эти слова манифеста запали глубоко въ душу каждаго финна и вытравить ихъ не удастся не только Бобрикову, но также никому другому.

Финскій народъ вполнѣ убѣжденъ, и врядъ ли можно его разубѣдить, что нынѣ царствующій Государь рѣшился подписать манифестъ 3/15 Февраля 1899 года только благодаря тому, что былъ жестоко обманутъ своими приближенными. Другихъ объясненій народъ не станетъ даже слушать, будучи глубоко убѣжденъ, что его монархъ, клятвенно обѣщавшій, какъ и всѣ его предшественники, свято охранять конституцію Финляндіи, не можетъ, безъ всякаго повода, измѣнить свои отношенія къ народу и нарушить данную имъ клятву. Поэтому, даже теперь, когда на финскій народъ обрушилось столько несчатій, благодаря происканъ лицемѣровъ, окружающихъ тронъ неопытнаго монарха, — онъ все же никогда не измѣнитъ своего отношенія къ верховному вождю, хотя, въ то же время, относясь съ глубокимъ уваженіемъ ко всему честному въ Россіи, не подаритъ своего вниманія тѣмъ лжецамъ и клеветникамъ, которые старались вселить въ юное сердце царя недовѣріе къ финляндцамъ. Финскій народъ презираетъ ихъ и надѣется, что настанетъ время, когда Государь и лучшіе русскіе люди поймутъ наконецъ истинныя ихъ вожделѣнія и навсегда отвернутся отъ

нихъ. Въ виду этого финскій народъ во вѣки вѣковъ не перестанетъ протестовать, пока не вернетъ всего, что принадлежало ему по праву. Не противъ своего Монарха будетъ онъ вести борьбу печатнымъ словомъ, но противъ тѣхъ его приближенныхъ, которые осмѣлились нечестивыми путями обмануть Государя и вырвать у него согласіе на отнятіе у финскаго народа того правоваго порядка, съ которымъ онъ уже сжился въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и безъ котораго немыслимо продолжать въ этой странѣ повсемѣстное насажденіе культурности. Самой судьбой обреченъ малочисленный финскій народъ на одинокую борьбу противъ насильственнаго посягательства на его права. Не ожидая даже впереди откуда нибудь помощи или нравственной поддержки, онъ уповаетъ только на милосердіе Божіе и возноситъ къ Нему свои молитвы. Только въ этой высшей силѣ онъ станетъ искать себѣ защиту, зная, что лишь тамъ, гдѣ нѣтъ продажныхъ царедворцевъ, сіяетъ вѣчная правда и царитъ свѣтлая любовь.

БИБЛІОТЕКА
СПЕЦІАЛЬНАЯ
АКАДЕМІЯ